

A vibrant, fantastical space scene. In the foreground, a large, glowing golden horse's head is superimposed over the landscape. The background features a large blue and green planet, a smaller brown planet, a comet streaking across the sky, and a bright blue moon. The title 'Огненный Ключ' is written in a stylized, glowing red font at the top.

Огненный Ключ

Татьяна Томаха

Татьяна Томах
Огненный Ключ

«Автор»

2026

Томах Т.

Огненный Ключ / Т. Томах — «Автор», 2026

Серафима вместе с мамой ведут странную кочевую жизнь – все время переезжают с места на место, как будто убегают от кого-то. Ключ-подвеска, случайно обретенное наследство Серафимы, оказывается не только огненным ключом от всех дверей – но и ключом от прошлого. И в ее жизни появляются странные родственники и опасные существа из другого мира, откуда мама когда-то бежала вместе с маленькой Серафимой.

© Томах Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 1 .Огненный ключ. Пролог	6
Глава1. Разговоры с деревьями и под водой	7
Глава 2. Ночь рождения.	13
Глава 3. Расследование	18
Глава 4. Незнакомая бабушка	25
Глава 5. Черный ветер	32
Глава 6. Новая школа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Томах

Огненный Ключ

Огненный ключ

Тьма непроглядна и бесконечна, и только огонь наших сердец освещает нам дорогу сквозь нее.

Из правил Ходящих через Тьму

Книга 1 .Огненный ключ. Пролог

– Вас что-то смущает? – нетерпеливо спросил Заказчик.

– Оплата достаточно щедрa, но информации слишком мало, – ответил Ищейка. – Точно, что известен только возраст и пол ребенка? Никаких описаний внешности, никаких примет?

– Абсолютно точно. Изображения ребенка в младенчестве вряд ли вам помогут.

– А объяснение, к чему такая срочность, если тринадцать лет этот ребенок был никому не нужен?

Заказчик задумался. Нетерпеливо побарабанил пальцами по столу – свечи в массивном канделябре вдруг вспыхнули ярче, огни отразились в ярко-желтых глазах. Ищейка испуганно отпрянул от их взгляда, нервно облизнул длинным языком заострившиеся в один миг клыки. Заказчик хмыкнул, чуть прикрыл тяжелые веки, и пламя его глаз потускнело, остались просто отблески свечей. Сказал задумчиво:

– Предполагалось, что ребенок мертв. Теперь же, когда из Пустого сектора пришел зов Огненного проводника, очевидно, что это не так.

– Позвать Проводника мог кто-то другой?

– Мог, – неохотно согласился Заказчик. – Но маловероятно. Как известно, зов содержит некоторые фамильные черты, по которым специалист с достаточной точностью определяет его принадлежность.

– Значит, срочность объясняется тем, что когда Проводник будет воплощен, ребенок может опять сбежать?

– В том числе. Но в первую очередь опасность в том, что зов был услышан не только нами, и ребенка будут искать другие. Нельзя допустить, чтобы они нашли его раньше нас.

Глава 1. Разговоры с деревьями и под водой

- Улица профессора Попова, – сказал водитель, – следующая остановка...
- Пойдем, – спохватилась мама и дернула Серафиму за руку, – нам выходить.

Они едва успели выскочить. Троллейбус, хлопнув дверьми, пополз дальше, а Серафима удивленно покосилась на маму. Та была непохожа сама на себя. Задумчивая, даже рассеянная, с мечтательной улыбкой она оглядывалась вокруг. Такой мама бывала иногда во время работы, когда погружалась в какой-нибудь перевод, который ей особенно нравился. А на улице, в транспорте, а тем более – в новых городах – мама всегда была собрана и сосредоточенна.

– Я тебе сейчас покажу Ботанический сад, – сказала мама. – Знаешь, его заложили еще в восемнадцатом веке. А потом он едва не погиб. В блокаду его разбомбили, от оранжерей остались одни осколки, многие растения погибли – в основном не от бомб, конечно, а от холода. Люди сами умирали. Такое жуткое время было, Светлячок. Голод, холод, бомбежки. Никому не было дела до тропических цветов. Но люди все равно пытались их спасти. Небольшие растения забирали в свои квартиры, остальные – перенесли в единственную целую оранжерею и грели ее кострами. Дома промерзали насквозь, люди умирали от холода и голода, но они спасали не себя, а растения. И спасли. Сад выжил. Его хотели закрыть уже потом, после войны. И опять его сумели отстоять. Это чудесное место, Светлячок. Зеленый оазис в центре города. Я его очень любила, – мама мечтательно улыбнулась. – Сначала я приходила сюда с бабушкой. Потом – сама. Там хорошо дышится и думается, мысли и чувства приходят в порядок. У меня там есть любимые деревья, я тебя с ними познакомлю.

Серафима удивилась – как это можно познакомить с деревьями? Но покосилась на мамину улыбку и пока не стала спрашивать.

Ботанический сад и правда, оказался интересным. Улицы с высокими домами, шумные машины, грязь, пыль и плохой воздух – и вдруг, за коваными воротами, начинается совершенно другой мир. Зелень и тишина, петляющие между елок и каких-то диковинных сосен дорожки, хрупкие купола оранжерей...

Мамин знакомый дуб стоял возле небольшой протоки, заросшей камышами и ирисами. Через протоку был перекинут совершенно сказочный горбатый мостик.

Мама, улыбаясь, подошла к дубу, положила ладонь на ствол с бугристой темной корой. Как будто и, правда, здоровалась.

Серафима тоже подошла ближе, осторожно потрогала жесткий резной лист. Спросила:

– Как это можно познакомить с деревом?

– Понимаешь, Светлячок, – сказала мама, – вот ты чувствуешь и понимаешь животных, да? А я так же чувствую растения. Они, видишь ли, тоже живые. Только им еще хуже приходится в нашем, человеческом мире. Животные еще могут как-то протестовать и защищаться. А цветы, деревья... они даже убежать от нас не могут. Только умереть, если уж совсем невыносимо. Или расти и цвести, если им хорошо. И да, они умеют чувствовать, радоваться или огорчаться. И любить, и помнить. Как люди. И даже лучше, чем многие люди.

Мама вздохнула, отвела ладонь и посмотрела вверх, где в бледной синеве осеннего неба покачивались от ветра дубовые листочки на могучих ветвях.

– Ты мне никогда не говорила... – растерянно пробормотала Серафима, – и ты не говорила, что веришь мне насчет зверей! Остальные считают, что я все выдумываю, а ты... оказывается, ты тоже умеешь понимать, только цветы!

– Ну, – мама весело хмыкнула, – не такая уж это хитрость. Все могли бы понимать животных или цветы, если бы только захотели. Хотя бы приблизительно. Штука в том, что людям это обычно не особенно надо. Они и друг друга-то не всегда понимают. Кстати, я тебе никогда не говорила, что ты выдумываешь. Я тебе верю, Светлячок.

– А почему... почему у нас никогда не было цветов? Они ведь тебе нравятся, я всегда знала, что ты их любишь...

– Например, потому, что цветы нельзя перевозить через границу. Совершенно глупый закон, да.

Мама отступила от своего знакомого дерева, присела на лавочку напротив и похлопала по ней рукой, приглашая Серафиму присоединиться.

– Ветер, птицы, семена летают себе, не зная границ. И земля у нас всех одна, – продолжила мама, – а люди эту землю разделили заборами и колючей проволокой и придумали правила одно нелепей другого, кому можно перейти из одной загородки в другую, а кому – нельзя. И что можно с собой взять, а что нельзя. И если вдруг у тебя есть любимый цветок, или оставь его тут в чьих-нибудь чужих и хорошо, если добрых руках, или уж оставайся сам на одном месте навсегда.

– А собаку? – тут же спросила Серафима. – Собаку ведь можно через границу?

– Можно, хотя и непросто, особенно с некоторыми границами.

– Тогда почему...

– Потому что мы с тобой путешествуем налегке.

– Хотя бы маленькую? Совсем-совсем малюсенькую?

– Серафима, – строго сказала мама, – мы уже сто раз говорили с тобой насчет собак. Я знаю, что ты хочешь, но у нас с тобой такая жизнь, что собаку нельзя. И даже птичку или рыбку.

«А почему у нас такая жизнь? И когда она станет не такая, а какая-нибудь другая? – хотела было спросить огорченная Серафима. Но посмотрела на мамино лицо – и не стала. Потому что знала, что ничем такие вопросы не закончатся. Мама никогда на них не отвечает, и ничего не объясняет. Как будто Серафима дура. Или слишком маленькая, чтобы понять. Или как будто это такая тайна, которую мама не хочет никому раскрывать. Или не может.

А на обратном пути Серафима вдруг разглядела название проспекта, на котором они ждали транспорт до дома.

– Каменноостровский? – удивленно спросила она. – Это ведь... Тот самый?

Мама развернулась, крепко взяла Серафиму за плечо. Ее взгляд стал встревоженным и строгим, улыбка исчезла.

– Даже не думай, – сказала она. – Помнишь, о чем мы договаривались?

– Никогда не проверять этот адрес из любопытства, – пробурчала Серафима и снова покосилась на табличку с названием проспекта. Нужный дом должен быть где-то совсем недалеко. Может приехать сюда как-нибудь потом, посмотреть хотя бы одним глазком? Что плохого, если просто пройти мимо?...

– Серафима! – строго позвала мама, заглядывая в глаза и, кажется, читая все мысли девочки. – Ты хорошо помнишь?

Серафима вздохнула и послушно договорила:

– Я могу пойти по этому адресу только тогда, когда возникнет необходимость. Только в крайнем случае. Ма, и как я узнаю, что возник этот самый случай?

– Очень надеюсь, что он не возникнет, – сказала мама и так посмотрела на Серафиму, что расспрашивать дальше не захотелось.

– Ма, ну я правда не пойду туда из любопытства, – сказала Серафима, смутившись под требовательным взглядом мамы. – Я ведь обещала.

– Я знаю, – мама, наконец, улыбнулась, легонько обняла Серафиму за плечи, – я тебе верю, Светлячок. И ты мне верь, ладно? Так надо. Я знаю, что тебе хочется посмотреть, что там. Особенно теперь, когда мы тоже живем в этом городе. И взрослый бы не утерпел, а детям еще сложнее справиться с любопытством. Но я верю, что могу на тебя положиться. Если ты нарушишь обещание, очень подведешь не только меня, но и... еще одного человека.

– Я не нарушу!

– Конечно, – мамина рука расслабилась на плече Серафимы. – Я тебе верю.

Серафима и правда не собиралась нарушать обещание. Она не хотела врать маме или подводить ее. Но если немного недоговаривать – это ведь не врать?... К тому же мама, например, постоянно не договаривает и ничего не объясняет. Хотя Серафима уже достаточно взрослая, чтобы понять все, что угодно.

Она обойдется без этого адреса. Но все равно разгадает тайну, которую мама от нее скрывает. Потому что теперь у нее есть Ключ.

Вечером у нее все валилось из рук. Сначала Серафима уронила ложку, потом едва не насыпала заварку в вазочку с клубничным вареньем, а после этого чуть не облилась чаем.

Мама наблюдала за ней, задумчиво изогнув бровь. Потом спросила:

– Что, волнуешься перед новой школой?

– Угм-ум, – невнятно ответила Серафима, быстро надкусила блинчик, чтобы не сболтнуть чего-нибудь лишнего, обожгла язык, зашипела, торопливо глотнула чая и закашлялась.

– Ну что ты, – мама встала, обошла стол, обняла Серафиму за плечи. – Не грусти, Светлячок. Это просто новый учебный год. Просто новый класс. Ничего особенного, да? Ты найдешь там новых друзей, и все будет хорошо.

– Угу, – вздохнула Серафима. Врать маме было непривычно, неловко и даже противно. Ладно, пусть не врать, а только недоговаривать, но... Особенно когда мама вот так ласково гладила ее по голове и называла «Светлячок». Как в детстве, когда Серафима была совсем маленькая и ей иногда снились страшные сны, от которых она плакала. Тогда мама садилась рядом, вот так же гладила дочь по голове, и говорила: «тихо-тихо, Светлячок, не бойся темноты, я с тобой.» И темнота, и мрачные тени, и клочья страшных снов, которые выползали из нее и пугали маленькую Серафиму – все отступало перед маминым мягким голосом и прохладными руками, гладившими горячий лоб девочки.

То есть, у Серафимы и раньше была одна тайна от мамы, но не такая уж страшная. По крайней мере, по мнению Серафимы. Просто она кое-что маме не рассказывала. А теперь появилась Тайна. Даже две – если считать предстоящую Ночь рождения.

Побег из дома вряд ли можно считать незначительным нарушением правил. Серафима уже была готова от всего отказаться – но деваться было некуда. Во-вторых, она уже дала обещание Оксанке, и та обидится, если с Ночью рождения ничего не выйдет. Хотя Ксанке можно было бы и объяснить, если что – сказать, что все сорвалось, потому что мама все узнала и пресекла. Но главное – было «во-первых». А во-первых, Серафиме нужен был совет Ксанки.

Оксанке она позвонила из ванной. Включив предварительно душ по сильнее.

– Ух ты, – обрадовалась подруга, – привет! Вы уже приехали? А чего шумит? Дрель? Ремонт что ли делаете?

– Это не дрель, а вода, – ответила Серафима.

– Вас соседи что ли заливают? – изумилась Ксанка. – Ничего себе громко. Прямо водопад. Тебя там спасать не надо? У нас лодка надувная есть.

– Не водопад и не соседи. Я тебе просто из душа звоню.

– А зачем?

– Это такой прием шпионский, – объяснила Серафима. – Вода шумит, и снаружи не слышно, что я говорю.

– Мне тебя тоже не слышно, – заметила Ксанка. – Почти.

– Ну, у этого способа есть свои недостатки, – Серафима смутилась и немного прикрутила воду.

– Ты где это вычитала? В романе про шпионов? Интересный? Как называется? Дашь почитать?

– Неинтересный. И не про шпионов. Муть какая-то реалистическая. Про любовь. То есть про нелюбовь.

– Это как? – удивилась Ксанка.

– Ну, один дядька разлюбил свою жену и начал ей изменять. А может, не совсем разлюбил, потому что он все время переживал. Все пять страниц, пока я читала. А потом мне надоело, и дальше я не знаю, что.

– Чего-чего он переживал? Страницы? – переспросила Ксанка. Наверное, она плохо расслышала сквозь шум воды. Но неожиданно получилось очень точно – потому что в той книжке действительно очень долго переживалось одно и то же.

– Да нет. Мысли он разные переживал. Я тебе потом расскажу, если захочешь.

– Не, не хочу. Я уже поняла, что муть. Мысли еще жеваные – фу. А шпионские способы тут при чем?

– А, так это дядька от жены прятался в душе, когда любовнице звонил. Чтоб не слышно было. Я правда не поняла, зачем это все надо. Чего он просто к ней не ушел. Он же вроде взрослый. Это дети не могут сами из дома уходить, даже если очень хочется. А если вырос – иди куда хочешь. Вот если я от мамы в душе прячусь, это еще нормально, а когда взрослый дядька от жены – это как-то тупо. Взрослые иногда такие придурки!

– Да мальчишки вообще придурки, – мрачно заметила вдруг Ксанка, – и взрослые тоже. Я вот, например, замуж никогда не выйду.

– Правда? – удивилась Серафима. В последний раз когда они обсуждали эту тему, Ксанка собиралась замуж за Леголаса из «Властелина колец». Ну, разумеется, когда вырастет. Интересно, как ее успел разочаровать Леголас за такое короткое время, учитывая, что с Ксанкой он лично был незнаком?

– Это ты от мамы сейчас в душе прячешься? – спросила Ксанка, – значит, она тебя не отпускает ко мне на День рождения?

– Не отпускает, – соврала Серафима. На самом деле, она не спрашивала. Просто заранее знала, что мама непустит. Еще и разозлится, что Серафима несмотря на запрет, до сих пор общается с Ксанкой. Лучше пусть мама не знает.

– Но я приду, – поспешно добавила Серафима.

– Правда? – обрадовалась Ксанка.

– Только не на День рождения, а на ночь рождения.

– Как это?

– Ну я приду к тебе уже поздно вечером. И можем еще раз отметить твой день рождения только уже ночью. А чего, новый год можно, а чем хуже день рождения? Он тоже раз в году.

– А классная идея, – одобрила Ксанка. – Целых два раза праздновать день рождения! То есть, ночь. В общем, какая разница? Я попрошу бабушку второй торт испечь.

– Да не надо, куда нам на двоих целый торт...

– Надо-надо, знаешь, какие бабушка торты делает? По специальному секретному рецепту. Со сметанным кремом, какао и орехами, обалдеть, как вкусно. Все, решено, торт точно будет. Так что обязательно приходи!

Серафима конечно пообещала, что придет. Но намекать Ксанке на предстоящий серьезный разговор не стала. Вдруг душ все-таки не достаточная защита их разговора? Мало ли кто может это услышать...

Насчет новой школы Серафима конечно тоже немного волновалась. Хотя она уже почти привыкла, что каждый год – новая школа. Но вообще, это здорово надоело. Жаль, что с мамой лучше на эту тему не заговаривать. Все равно ни о чем не договоришься. Она даже объяснять ничего не хочет. Отделяется дурацкими отговорками, что ей по работе надо часто переезжать. Серафима раньше в них верила, пока была маленькая. А теперь она не такая дура, чтобы не догадаться – это и правда, просто отговорки. Зачем переводчику текстов переезжать? При современных технологиях с такой работой, как у мамы, можно вообще жить в каком-нибудь глухом месте, например, в Индии. Или в сибирской тайге. Главное, чтобы там был интернет, чтобы мама могла переписываться с заказчиками и отправлять им работу. Лучше всего, конечно, на тропическом острове, чтобы всегда теплое море, фрукты – и никакой школы поблизости. В конце концов, можно ведь учиться как-то дистанционно, если надо. Но на такое мама точно не пойдет. В прошлом году Серафима было заикнулась на эту тему – нельзя ли обойтись каким-нибудь обучением он-лайн, а не тащиться опять в новую школу. Ну и конечно, ничего хорошего не получилось. Во-первых, мама устроила форменный допрос, почему это Серафиме не хочется идти в школу. А во-вторых, сказала, что ни о каком отшельничестве и речи быть не может, особенно сейчас. В таком возрасте нужно общение со сверстниками. Хорошенькое общение – если всех этих сверстников через год уже больше никогда не увидишь. То есть, некоторых сверстников лучше бы с самого начала не видеть – потому что всегда, всегда, в каждой школе и каждом классе находятся какие-нибудь уроды, от общения с которыми никакого удовольствия. И это – мягко говоря. Особенно они почему-то любят доставать новеньких. Мама говорит, что это совершенно нормально, и что, мол, так всегда – это естественный процесс встраивания в иерархическую структуру незнакомого коллектива. Что такое иерархическая структура, мама еще давно объяснила на примере картинки древнеегипетского общества. Это когда сверху – фараон, потом всякие приближенные, которых он попирает ногами, а внизу, совсем маленькие, как букашки – рабы в очень скромных передничках вместо одежды. Вот уж спасибо, очень хочется встраиваться в такую структуру. Чтоб тебя кто-то ногами попирали. К тому же, фараон в школьном обществе – обычно какой-нибудь придурок. Или местный хулиган с бандой шестерок, или самый воображала, сынок или дочка богатеньких родителей. А вокруг этого фараона, как и положено по этой самой структуре, вьется толпа придворных и прочих подпевал. И они с удовольствием всей толпой начинают пинать каждого новенького, опасаясь, что он кого-то из них вытеснит с выгодного придворного или подпевального места. В общем, нормальные люди от такой структуры держатся подальше. Но пока ты докажешь всем подпевалам, что они тебе сто лет не нужны вместе со своей иерархией и дурацким фараоном, и пока разберешься, где тут нормальные люди, с которыми можно дружить – тут обычно год и заканчивается. И снова-здорово – начинай все сначала на новом месте. Но маме это объяснять бесполезно. Она считает, что Серафиме это полезно. Учиться встраиваться в иерархии разных обществ, и быстро определять в них нормальных людей. Маме, конечно хорошо так рассуждать. Ей-то никуда встраиваться не нужно. Сидит себе спокойно дома, переводит китайских поэтов, которые, кстати, уже двести лет, как вымерли – то есть, с их стороны претензий никаких точно не будет. А издатели и так друг с другом за маму дерутся – столько языков, сколько она, наверное больше никто не знает. И так хорошо художественные тексты никто не умеет переводить. Тем более – поэтические. Серафима подглядывала несколько раз восторженные

отзывы о маминой работе. Ее постоянно зовут в штат разных издательств, а она не соглашается. Не хочет, наверное, встраиваться в эту самую иерархию.

Глава 2. Ночь рождения.

Есть совершенно не хотелось. Тем более, впереди был торт по секретному рецепту. И главное – серьезный и тоже секретный разговор. А вдруг Ксанка тоже подтвердит подозрения Серафимы? И что тогда делать?

Серафима заставила себя дожевать второй блинчик под внимательным взглядом мамы. Блинчики, конечно были очень вкусные. Мама, наверное, их специально сделала для Серафимы, потому что знала, как та их любит. От этого Серафиме еще больше стало стыдно.

Ладно, будь что будет. Если мама сама догадается или раскроет побег – тогда и придется признаваться про Ночь рождения и Ксанку. Наверное, этого хватит для объяснения волнения и ночного побега. А про ключ Серафима рассказывать все равно не будет. Где-то в книжках про разведчиков Серафима читала насчет двойных легенд. Когда тебя раскрывают, то есть, раскалывают твою легенду, под которой ты живешь, наготове должна быть вторая легенда, которая уже содержит часть правды, для достоверности. Но, ни в коем случае, не всю. А под ней может быть еще одна легенда, и так далее. Как матрешки, вложенные одна в другую. Пока не раскроешь одну – не догадаешься, что внутри спрятана вторая. Интересно, как эти разведчики сами в своих легендах не запутываются? Серафима всего неделю скрывает от мамы свои подозрения и ключ – но уже вымоталась до ужаса. И ей все время кажется, что мама сейчас обо всем догадается.

Серафима встала из-за стола, чувствуя, как ключ будто прожигает карман халатика. А что это у тебя в кармане – сейчас спросит мама. Как Горлум у Фродо.

– Я это ...пойду спать, – Серафима ненатурально зевнула и встала, придерживая ладошкой опасный карман.

– Хорошая идея, – одобрила мама. «А что это у тебя в кармане?» Серафима вздрогнула, взглянув на маму. Нет, послышалось. И Серафима быстро, пока ключ не прожег карман и не выпал на пол, вышла из кухни.

Чтобы не вызвать подозрений, Серафима умылась, как обычно, почистила зубы, даже якобы почистила немного перед сном – хотя так ничего и не поняла из книжки, прочитав одну страницу несколько раз. Потом выключила свет и улеглась в кровать, изображая, что спит. Дождалась, когда мама заглянет в комнату, и после этого еще немного тихо полежала под одеялом, спокойно дыша, как будто мама до сих пор могла ее слышать. А потом откинула одеяло и прислушалась. Надо было дожидаться, пока мама сядет за свой перевод – тогда она увлекается, и может ничего не заметить. Серафима прокралась к двери, приоткрыла маленькую щелочку. В новой квартире пока ориентироваться было немного непривычно, хотя она и была похожа на старую – мама всегда выбирала такие. Чтобы одна комната для Серафимы, вторая – мамина, спальня и одновременно рабочий кабинет, и третья – общая, гостиная.

На кухне зашумел чайник, потом зазвякала посуда – мама составляла на поднос мисочку с медом, чашку и большой чайник с зеленым чаем, чтобы отнести это все себе в комнату. Серафима выждала, пока мама пройдет по коридору, потом тихонько выглянула и увидела, как под дверью засветилась голубоватая полоска – значит, мама включила компьютер, села за свой перевод. Теперь она там долго будет работать, не отвлекаясь.

Серафима тихонько оделась, потом затолкала покрывало и запасные подушки под одеяло – так, чтобы было похоже на спящего человека, и подкралась к окну. Мама всегда снимала квартиры на первом этаже. И всегда проверяла, есть ли окна решетки, и хорошо ли они открываются. Это было кстати, одной из странностей, на которые Серафима раньше не обращала внимания, а с недавнего времени стала замечать и добавлять в мысленный список. И список этот получался уже довольно большой. А выводы из него получались тем более странные и

даже пугающие. Именно их Серафима и собиралась обсудить с Ксанкой – потому что больше никому она довериться не могла. Это и было основной причиной отчаянной ночной вылазки, на которую Серафима, наверное, не решилась бы просто ради ночи рождения – и даже ради торта по специальному рецепту.

Серафима очень аккуратно и тихо открыла окно – оттуда сразу повеяло еще теплым августовским ветерком – и на всякий случай изучила темный ночной двор, не наблюдает ли кто за ее побегом. Пока в том, что она делала, не было ничего криминального – подумаешь, открыла окно, может ей стало жарко. Во дворе никого не было. Странно, такой симпатичный тихий летний вечер, предпоследний перед первым сентября – и никто не гуляет. Ни влюбленных парочек, ни компаний, ни одного даже какого-нибудь завалющего собачника. Одним словом, ни одного повода отступить. Ладно, если так долго тут торчать, можно действительно дожидаться кого-нибудь, кто все испортит. Теперь нужно было открывать решетку, и это уже никак было бы не объяснить – если вдруг мама застучает ее за этим занятием. Замок щелкнул почти беззвучно. Мама как раз накануне смазала все замки маслом – вот, кстати, еще одна странность – как будто она сама предполагала вот так выбираться из дома по ночам, пока Серафима спит. А может, и выбирается? Включает компьютер, ставит рядом поднос с чаем, а сама... Серафима вздрогнула и отчаянно заозиралась, выбираясь из окна во двор – ей вдруг показалась, что она сейчас угодит прямо в мамины распахнутые руки. Это куда ты интересно собралась, Светлячок? – строго спросит мама. – Ничего не хочешь мне рассказать?

Кроссовки мягко спружинили о землю под окном, Серафима нервно огляделась и перевела дух. По-прежнему, вокруг никого не было. Только темные кусты, откуда вдруг метнулась какая-то тень – Серафима едва сдержала вскрик – и увидела улепетывающую кошку. Кажется, та испугалась больше девочки. С трудом дотянувшись до окна, Серафима закрыла решетку снаружи. Удобно все-таки первый этаж. Интересно мама поэтому его выбирает? Пригибаясь, Серафима прокралась под освещенным маминым окном, каждую секунду ожидая рассерженного окрика, а потом, распрямившись, припустила рысью к подворотне, надеясь, что еще успеет на какой-нибудь последний троллейбус.

С троллейбусом повезло, и до Ксанкиного дома Серафима добралась без приключений – благо, Ксанка, подробно объяснила дорогу.

Ксанка, видно ее ждала, потому что дверь открылась сразу после звонка. И тут же на Серафиму бросилось что-то огромное и рычащее.

– Герда, фу! – закричала Ксанка, схватила собаку за ошейник и оттащила ее от испуганной Серафимы. – Свои! Ну вот, – огорченно добавила она, – я думала, она тебя узнает.

– Это Герда? – удивленно спросила Серафима, – Герда? Ого, вымахала...

Серафима протянула руку, не обращая внимания на испуганный вскрик Ксанки. Овчарка ткнулась носом в ладонь, неуверенно вильнула хвостом – и через секунду Серафима уже хохотала, обнимая огромную мохнатую псину за шею, а та облизывала девочке щеки, отчаянно виляя хвостом и тихонько поскуливая.

– Эй, эй, – немного ревниво пробурчала Ксанка, – ну, хватит! Герда! Ты даже мне так не радуешься, свинская собака! Гляди-ка, узнала все-таки. Кстати, мы с тобой тоже четыре года не виделись. Привет, Серафима.

– Извини, – ответила Серафима, улыбаясь до ушей. Она обожала собак, и они отвечали ей тем же, даже незнакомые, даже самые свирепые. Серафима была уверена, что ни одна собака не сможет причинить ей вреда – собственно, пока так оно и было. Жаль, что мама никак не разрешала завести ей собственную собаку, несмотря на постоянные просьбы и даже мольбы. – Я тебя очень рада видеть!

– Меня или Герду? – уточнила Ксанка, усмехаясь.

Серафима поднялась на ноги, Герда завертелась вокруг, тыкаясь носом в руки. Серафима погладила ее по загривку.

– Я помню, какая она маленькая была и смешная. А сейчас – ого, какой зверь. Красивая, обалдеть!

Герда виляла хвостом, не переставая, и умильно заглядывала в лицо Серафимы.

– Кстати, я тебя поздравляю с днем рождения! – спохватилась Серафима. – Вот, держи подарок.

– Здорово, что ты вспомнила, – хмыкнула Ксанка, но увидела подарок и заулыбалась, разглядывая большую яркую книгу. – Ого, спасибо! Про Тутанхамона! И с такими картинками!

– Я специально для тебя выбирала. Ты же Древним Египтом увлекаешься. Думала, тебе понравится.

– Очень нравится! – Ксанка пролистала несколько страниц, кажется, с трудом сдерживалась, чтобы не начать читать прямо сейчас. – Ладно, пойдем, чего мы тут в коридоре стоим. Там уже торт порезан. Я еще только самую капельку попробовала.

Тут из кухни выглянула Ксанкина бабушка в длинном платье в цветочек и голубом переднике. Серафима ее сразу же узнала, кажется, за четыре года она ни капельки не изменилась. Такие же ясные светлые глаза, седые волосы, собранные в аккуратный клубок на затылке, и приветливая улыбка на морщинистом загорелом лице.

– Это Серафима, ба, помнишь, я говорила? Она у нас переночует. И мы с ней еще отметим мой день рождения. Потому что они только что приехали, еще даже вещи не разобрали! – все это Ксанка протараторила без единой запинки, как будто придумала заранее.

– Здравствуй, Симочка, – улынулась старушка, – как ты выросла, похорошела, совсем взрослая! И красавица!

– Здравствуйте! Спасибо, – смущенно отозвалась Серафима. Не так уж она и выросла. Среди одноклассников она почти всегда оказывалась самой маленькой, за что ее, в том числе все время дразнили. И уж точно, не красавица. Глаза серые, волосы тоже – какого-то мышиного цвета, лицо – самое обычное. Да еще веснушки на носу. Хотя, казалось бы, откуда. В общем, ничего особенного. Кроме веснушек. Вот Ксанка – симпатичная. Блондинка, с золотистой толстой косой, зелеными глазами, которые, впрочем, Ксанка зачем-то прятала под очками, и очаровательной улыбкой, с ямочками на щеках.

– Пойдем, пойдем! – Ксанка дернула подругу за рукав, – там уже чай остывает!

Тортик оказался и правда, потрясающим. Сметанный крем и нежнейший бисквит с орехами просто таяли во рту. Серафима не заметила, как умяла два куса подряд.

– Уф, – сказала она, откидываясь на спинку стула и сожалением глядя на недоеденный торт. – Надо сделать перерыв.

Девочки налили себе еще по чашке чая и пошли в Ксанкину комнату смотреть кино. Конечно же, «Властелина колец». Именно этот фильм они смотрели четыре года назад, в маленькой деревушке под Псковом, где впервые встретились и подружились раз и навсегда. Ксанка жила там с бабушкой, а Серафима приехала с мамой, провести лето после третьего класса. Получилось так, что мама сняла дом как раз рядом с домом Ксанкиной бабушки. По вечерам девочки смотрели «Властелина колец», на стареньком плеере и маленьком телевизоре с еле различимыми цветами – всего по полчаса, бабушка больше не разрешала, она считала, что это все очень вредно для глаз. Каждый раз история обрывалась на самом интересном месте, девочки хором упрашивали бабушку «еще пять минуточек», добрая бабушка соглашалась и они смотрели еще пять минуточек. А потом играли в «продолжения» сказочной истории, наряжаясь в эльфийские плащи из старых занавесок. Герда – тогда игривый толстолапый щенок – принимала в театрализованных представлениях живейшее участие, с энтузиазмом исполняя самые разные роли – то белого коня принцессы Арвен, на котором та спасала Фродо от черных всадников, то дракона, то самого Саурона. Игра продолжалась даже когда девочки ходили с бабушкой в лес за грибами, или ягодами, или купаться на речку. Дремучие окрестные леса,

цветущий луг возле деревни с пыльной грунтовой дорогой по краю, заброшенный дом на окраине – все превращалось в пейзажи волшебного Средиземья, а каждый день – в необыкновенное приключение.

Это было самое лучшее и чудесное лето в жизни Серафимы. Потом они с мамой ездили во многие интересные места – на побережья разных морей, в города разных стран, сами названия которых звучали, как музыка – Париж, Мадрид, Барселона, Венеция, Рим... Но нигде Серафиме не было так хорошо, как в то лето в маленькой деревушке под Псковом...

Серафима потом упрашивала маму снова вернуться туда – пусть не на все лето, а хотя бы ненадолго, потому что Ксанка с бабушкой жили там каждый год с июня по август. Но так ничего и не получилось. А потом мама узнала, что Серафима продолжает переписываться и перезваниваться с подругой, и надеется встретиться с ней – например, в Питере, где Ксанка, собственно жила и училась в школе. И мама вдруг очень рассердилась. Сказала, что этой встречи не будет, и велела Серафиме прекратить все общение с Ксанкой. Я тебе запрещаю – сказала она. И даже не стала объяснять, почему. Так строго она почти никогда раньше не говорила. Серафима даже немного испугалась. И сделала вид, что послушалась. И дальше переписывалась и перезванивалась с Ксанкой втайне от мамы. В конце концов, в век информационных технологий это не так уж сложно. А теперь Серафима с мамой сами приехали жить в Питер, и теперь, наконец, можно было встретиться с Ксанкой не в скайпе, а на самом деле.

Девочки сидели на пушистом ковре, среди подушек, пили чай и смотрели волшебную историю про храбрых маленьких хоббитов, прекрасных эльфов и отважных людей. Герда дремала возле двери, иногда приоткрывая один глаз, чтобы проверить, все ли в порядке и не пора ли защищать хозяйку и ее гостью от лязгающих мечами воинов на экране. Когда Арагорн повел хоббитов в Ривенделл, в комнату заглянула бабушка:

- Девочки, я иду спать. А вы не засиживайтесь долго, уже поздно.
- Ба, завтра же воскресенье! – умоляюще сказала Ксанка. – И мы сто лет уже не виделись!
- Ну ладно, тогда посидите еще немного, – улыбнулась бабушка.
- Спасибо, ба! Я тебя люблю! – заулыбалась в ответ Ксанка.
- Спасибо! – добавила Серафима. – И за торт! Просто замечательно вкусно!
- Подлизы, – усмехнулась бабушка с довольным видом и закрыла дверь.

– У тебя самая лучшая в мире бабушка, – сказала Серафима.

– Ага, – согласилась Ксанка.

И они опять вернулись к приключениям хоббитов. Серафима, улыбаясь, лежала на пушистом ковре, иногда делая глоток-другой уже остывшего, но все равно вкуснейшего чая, и думала, что вот так и выглядит счастье. Свой уютный дом, где пахнет выпечкой, а не съемное чужое жилье. Любящая бабушка, которая печет вкуснейшие тортики и разрешает иногда засидеться допоздна за интересным фильмом. Школа, в которой учишься год за годом, каждый раз возвращаясь в знакомый класс. Друзья, знакомые, приятели. Родной город, из которого не надо уезжать. Своя собака. Какая все-таки счастливая Ксанка. И как было бы здорово, если бы они были сестрами и могли разделить эту замечательную, чудесную жизнь на двоих...

– Ты чего улыбаешься? – спросила Ксанка.

– Я подумала, здорово, если бы ты была моей сестрой, – решила поделиться с ней своей мечтой Серафима и настороженно посмотрела на подругу – а вдруг той совсем не понравится эта идея?

– Ага, – сразу же согласилась Ксанка. – Я бы тоже так хотела. А давай, как будто мы сестры? – сразу же предложила она. Так, как четыре года назад говорила: а давай как будто ты Фродо, а я Арагорн – и мы идем в Ривенделл. И все сейчас же получалось так, как она хотела. Бабушкин огород превращался в Шир, а ближний лес – в чудесный и невероятно загадочный

Ривенделл. Как будто Ксанка была настоящей волшебницей и умела вот так, по собственному хотению, превращать самые обычные вещи в сказочные.

– Давай, – сейчас же согласилась Серафима. Так, как она раньше соглашалась стать Фродо или Гэндальфом. И только потом уточнила: – А как?

– Ну, ты можешь считать, что это твой дом тоже. Приходи, когда хочешь. Бабушка не будет против.

– А твои родители?

– Они сейчас опять в экспедиции. Какой-то курган раскапывают. Они археологи, я ведь говорила? Все время пропадают в разных экспедициях. А когда вернутся, я тебя с ними познакомлю. Они классные, тебе понравятся.

Ксанка сказала именно так – тебе понравятся. А не наоборот. Как будто не сомневалась, что Серафима им понравится тоже и они разрешат Ксанке считать ее сестрой.

– А Герда тоже будет как будто нашей общей собакой? – спросила Серафима.

– Ты все это придумала из-за Герды, да? – хихикнула Ксанка и легонько ткнула Серафиму в бок кулаком. – Я так и знала.

– Ничего не только, – возмутилась Серафима, – мне еще очень понравился тортик твоей бабушки, – и, расхохотавшись, она увернулась от кулака Ксанки.

– Эй, – спохватилась Ксанка, – мы уже полфильма пропустили. Отмотаем? – она потянулась к пульту.

– Подожди, – остановила ее Серафима. Вздохнула. Теперь ей самой не хотелось затевать этот разговор и портить такой замечательный вечер. Но деваться было некуда. Особенно после того, как Ксанка предложила стать сестрами. Теперь она точно должна знать. – Я должна тебе кое-что рассказать.

– Знаю, – помрачнела Ксанка. – Твоя мама меня почему-то не любит, да? И запрещает тебе со мной дружить?

– Не в этом дело. То есть, в этом тоже, – Серафима сбилась. Она не знала, с чего начать. И поэтому, поколебавшись, выпалила сразу главное: – Понимаешь, тебе может быть опасно со мной дружить.

Глава 3. Расследование

– Почему это? – удивилась Ксанка.

Серафима вздохнула. Но деваться было уже некуда, поэтому она набралась решимости и быстро договорила:

– Потому что, кажется, мы с мамой какие-то эльфы, и еще – за нами гоняется мафия.

Ксанка выпучила глаза.

– Или не эльфы. А друиды. И не мафия, а спецслужба, – неуверенно добавила Серафима, смутившись под изумленным взглядом подруги. – Не знаю, что из этого всего хуже...

Ксанка решительно щелкнула пультом, останавливая фильм. А потом повернулась к Серафиме.

– Так, – сказала она. – Давай по порядку. Вы эльфы, которых разыскивает мафия?!

– Я точно не уверена, – замялась Серафима. – Звучит бредово, да?

– Еще как.

– То есть, я не знаю, что из этого правда. Может, мне вообще все кажется. Может, я сделала неправильные выводы. Но, понимаешь, слишком много странностей, и я не знаю, как еще объяснить...

– Так, – перебила ее Ксанка, – с выводами нужен системный подход. Погоди.

Она вскочила и подбежала к полкам возле стены. Герда забеспокоилась, подняла голову и встревожено посмотрела на хозяйку.

– Сиди, сиди, – махнула на нее Ксанка, копясь на полках. Через минуту она плюхнулась обратно на ковер – с блокнотом и ручкой.

– Так, сейчас все систематизируем, – заявила она, перелистывая первые страницы блокнота, исчерканные какими-то сложными схемами. – Не обращай внимания, тут схемы погребальных камер в египетских гробницах. – Ксанка добралась до чистой страницы и, немного подумав, аккуратно вывела на ней заголовок: «Странности в жизни С.»

– С – это я? – растерянно уточнила Серафима.

– В секретных записях, особенно личных, нужно все важное зашифровывать, – объяснила Ксанка.

– Ты хочешь писать про мою жизнь там же, где рисунки этих самых египетских гробниц?

– А что? – удивилась Ксанка. – Что тебя смущает?

– Ну, это как-то...

– Если ты насчет того, что показывали в фильме «Мумия» – не бери в голову, там куча исторических неточностей.

– Я думала, там вообще все неточности. То есть, все выдумки.

– Ну... – неопределенно протянула Ксанка, – давай я тебе потом про это расскажу, а сейчас не будем отвлекаться. Значит, про какие странности ты говорила?

– Во-первых, – начала Серафима, вздохнув. Ей очень не хотелось обсуждать эту тему, но теперь деваться точно было некуда. – Во-первых, мы часто переезжаем.

– Это не преступление, – заметила Ксанка.

– Ну, да... Мама говорит, что это из-за ее работы.

– Вот! Тем более. Нормальное объяснение.

– Но она работает переводчицей, я же тебе говорила. Зачем при такой работе переезжать?

– Переводчицей чего? Знаешь, если это перевод каких-нибудь бизнес-переговоров, или сопровождение каких-то деловых людей...

– Она переводит художественные тексты.

– Ну, встречи с издателями...
– С издателями общается через интернет, по-моему, даже лично никогда не встречается.
С авторами – тем более.

Ксанка задумалась.

– Вот! – радостно воскликнула она. – А, может, ей, например, нужна какая-нибудь соответствующая атмосфера? Не в смысле состава воздуха, а, знаешь, настроения.
– Атмосфера чего?
– Ну, этого самого художественного произведения. Вот сейчас она что переводит?
– Китайскую поэзию.

Ксанка опять задумалась.

– Мда, – согласилась она. – Тут точно не Китай. А может ей для этой поэзии нужна именно питерская атмосфера? Питер такой... э... поэтический. Если конечно не считать пробки и толкучку в метро. Это ни капельки не поэтично.

– Пробки и толкучка во всех больших городах, – махнула рукой Серафима. – Особенно туристических.

– Ладно, тогда это не учитываем. Еще Питер романтичный. Иногда печальный. Особенно когда дожди. Дождей тут много, ты, кстати в курсе? Тебе надо зонтик обязательно, а лучше не один, знаешь, что зонтики все время теряются? Ой, извини, я отвлеклась. Так это... китайская поэзия печальная?

– Я, в общем, не специалист, – засомневалась Серафима. – Я только немного из маминых переводов прочла. Она как бы странная. И философская, вот.

– Если философская, тогда точно печальная. В философии главная тема смысл жизни, а от этого всем сразу печально становится. Питер, знаешь, не только дождливый, но и очень философский. И кстати, ничего удивительно, дождь – это самая философская погода.

– Ага, особенно если зонтик потеряешь, – заметила Серафима.

– Точно! Вот так сразу и думаешь – быть или не быть? В смысле быть ли на первом уроке или прогулять? – хихикнула Ксанка.

– И часто ты прогуливаешь?

– Не, часто нельзя, можно нарваться, – вздохнула Ксанка. – Бабушка, конечно, добрая, и не будет очень ругаться, если что, но огорчится, а это, знаешь, еще хуже, чем если бы она ругалась. Ладно, мы отвлеклись. В общем, я к тому, что в Питере очень особенная атмосфера.

– Тогда может маме именно она и нужна для этой ее китайской поэзии, – неуверенно согласилась Серафима. И подумала – а если Ксанка права? И все странности на самом деле – ерунда? На самом деле, это было бы очень здорово. – Ладно, – решительно сказала она Ксанке, – давай я тебе сначала расскажу самую странность, из-за которой я сама начала все остальное вспоминать и как ты говоришь, систематизировать. Это случилось неделю назад, сразу как мы приехали сюда. Мы тогда поехали навестить мою бабушку.

– У тебя есть бабушка? – удивилась Ксанка. – Я не знала. Ты вроде не говорила?

– Я сама этого не знала, – вздохнула Серафима.

Когда Серафима была маленькая, она любила переезды. Потому что надеялась, что уж вот этот, следующий дом, будет действительно домом. А не очередной съемной квартирой, из которой придется опять уезжать через год. Но только она привыкала к новому месту – своей комнате, дереву, которое видно из окна, двору с качелями и горкой, зеленому парку в пяти минутах ходьбы, соседям, одноклассникам, местным собакам и котам; только у нее появлялись приятели и друзья – и опять приходилось собирать вещи и ехать неизвестно куда. Серафима

пыталась протестовать. Плакала, бунтовала, даже устраивала истерики. Упрашивала и умоляла маму задержаться хотя бы еще на год или два – но мама была непреклонна. В такие моменты Серафима ее ненавидела.

А когда поняла, что все бесполезно – ничего не изменится, и они так и будут зачем-то кочевать с места на место, и ни один город и квартира не станут им домом, а только временным пристанищем, Серафима возненавидела и переезды. «Ну вот, – говорила мама, оглядывая очередное жилище, – вот наш новый дом.» «Вранье, – думала Серафима, – просто еще одна чужая квартира, из которой мы скоро уедем.» Место и люди, к которому нельзя привязываться, потому что скоро придется с ними расставаться.

Распаковывать вещи Серафима тоже не любила – и коробки долго стояли в углу комнаты, пока мама не напоминала о них. Какой смысл находить удобные места для любимого старого медвежонка-талисмана или красивых ракушек и камней с побережья – если это все равно временно? Самые противные – первые дни после переезда, когда все незнакомое и неудобное. Выходишь, например, из своей комнаты, чтобы выпить чая – и только повернув направо, спохватываешься, что теперь, чтобы попасть на кухню, нужно идти налево. А там – неудобный стол, не возле окна, а зачем-то посередине. И чайник не фарфоровый в цветочек, а дурацкий, пластмассовый. И вода в нем получается невкусная, будто отдающая гарью. Одним словом, никакого удовольствия от этого чая, лучше вообще его не пить.

Наверное, поэтому Серафима не сразу обратила внимание на странные звонки, которые начались в первые дни после этого переезда. Странные – потому что точно не по маминой работе. По работе мама всегда разговаривала спокойно, не повышая голос – и обычно там, где ее застал звонок. Иногда подходила к компьютеру, если надо было что-то там посмотреть, но никогда не запирала за собой дверь. А во время этих звонков мама быстро уходила в свою комнату и захлопывала дверь. И разговаривала то очень тихо, будто стараясь, чтобы Серафима не услышала, то сердито и громко. Серафима не подслушивала – к тому же через дверь все равно почти ничего было не разобрать. Но однажды расслышала отчетливое и гневное: «Не смей меня шантажировать!» Ого – испуганно подумала она. Наверное, они с мамой все-таки от кого-то прятались, так часто переезжая с места на место. А теперь этот кто-то их нашел. Пожалуй, пора готовиться к следующему переезду. Ну и ладно, все равно еще толком здесь обжились. Интересно, кто этот «кто-то»? Если обычно спокойная мама так нервничает – значит, очень нехороший и опасный? Значит, может придется не просто переезжать – а убежать? Вот удачно, что мама, как обычно при вселении в новую квартиру проверила, хорошо ли открываются решетки на окнах.

Но убежать не пришлось. Хотя мама в тот вечер была взвинченная и сердитая – поэтому Серафима не решилась ее расспрашивать. А утром мама вдруг заявила, что они едут навестить бабушку.

– Какую бабушку? – удивилась Серафима. – У меня есть бабушка?

– Раз мы к ней едем, значит – есть.

– А почему мы раньше ее навещали? И почему ты не говорила, что...

– Раньше, – неохотно сказала мама, было видно, что ей не хочется это обсуждать, – мы жили далеко и не могли к ней приехать. А еще раньше мы жили вместе с ней, но ты наверное не помнишь, тебе было три года, когда мы с тобой уехали.

– А почему...

– Значит так, – перебила мама, – мы съездим к ней, потому что она очень на этом настаивала. Но только один раз. Она... она нездорова, ей вредны сильные волнения, ей может стать значительно хуже от нашего визита – хотя она сама этого не понимает. Поэтому мы навестим ее только один раз и не будем затягивать посещение. Это, во-первых. А во-вторых, во время этой поездки ты будешь в точности делать то, что я тебе буду говорить. Сразу же, и не задавая вопросов. Тебе понятно, Серафима? Или мы не поедем совсем.

– Понятно, – тихо ответила Серафима.

– Ненавижу, когда она так говорит – «Серафима», – вздохнула Серафима.

– Почему? У тебя необычное имя. Мне нравится, – сказала Ксанка.

– Она меня так называет, только когда что-то серьезное. Или плохое. И тогда нельзя с ней спорить, она только разозлится.

– Ого. И часто она так с тобой, ну, твоя мама?

– Да нет, – вздохнула Серафима. Почему-то ей захотелось защитить маму, хотя она сама не понимала, почему та все делала именно так. – Обычно она нормальная. Заботливая. Много чего мне разрешает. Знаешь, например, она никогда меня не заставляла есть то, чего я не хочу. Не хочу супа, а хочу мороженого – пожалуйста, сколько угодно. Хочу шоколада, а не котлету – не вопрос.

– Вот это здорово!

– Да. Мне все дети вокруг завидовали. Потому что обычно родители их заставляли есть то, что надо.

– Я бы только одним шоколадом питалась! – мечтательно вздохнула Ксанка. – На завтрак – молочным, на обед – темным с орешками, а на ужин – с начинкой из тянучки...

– Это тебе кажется. На самом деле, надоедает. И потом, когда например, шоколад и мороженое можно в любой момент – его уже не так хочется. Только иногда. А котлеты кстати моя мама обалденно вкусные умеет делать. И суп с тефтельками. Поэтому я все равно чего-нибудь такое выбирала, а не конфеты. Кстати, давай еще по кусочку тортика? Я что-то проголодалась, – предложила Серафима. На самом деле, ей было немного страшновато рассказывать дальше. Потому что дальше как раз и начинались странности, которые она не могла объяснить.

– И чая? – поддержала Ксанка. – Только давай тихо прокрадываться на кухню, а то бабушка, наверное уже спит. Герда, сидеть! Ты тут подожди. Мы тебе тоже принесем что-нибудь вкусное.

С трудом отбившись от Герды, которая никак не хотела отпускать их без сопровождения – тем более, в такое многообещающее место, как кухня – девочки осторожно пробрались за припасами. Нетерпеливая Ксанка пыталась спрашивать: «и что дальше?», но Серафима сказала шепотом: «давай потом», и Ксанка недовольно замолчала. С чаем, тортиком и яблоком для Герды они тихонько вернулись в комнату.

– У тебя собака вегетарианка? – удивилась Серафима.

– Не, мясо она больше любит. Но она ест по расписанию, а яблоко не считается.

– Тортик ей, кстати, тоже нравится, – заметила Серафима. Герда переводила вопросительный взгляд с тортика на яблоко и виляла хвостом.

– Нравится, но это ей точно не полезно. Сладкое, печеное, с шоколадом, ну и вообще...

– А нам полезно? – хмыкнула Серафима.

– Людям можно неполезное, – авторитетно заявила Ксанка. – Потому что они взрослые и самостоятельные. И сами за себя отвечают. А за собаку отвечает хозяин. Поэтому ему придется отдуваться и за себя и за своих питомцев и самому есть все неполезное. Вот!

– Здорово, мне нравится твоя логика.

– Это вообще моя сильная сторона. Кстати, не пора ли нам вернуться к нашему расследованию? – Ксанка облизала пальцы от крема, отдала Герде яблоко и взяла в руки свой блокнот со схемами египетских гробниц и жирно отчеркнутым заголовком «Странности в жизни С.»

– Рассказывай, – потребовала Ксанка, удобно устраиваясь на ковре и отхлебывая чай.

Герда вздохнула, проводив взглядом тортик, который Серафима поставила на столик, и сочно захрустела яблоком.

Серафима тоже вздохнула.

– Насчет бабушки... – неуверенно начала она, – знаешь, я подумала тогда, что может быть она... ну как бы немножко чокнутая. Поэтому мы от нее уехали много лет назад, поэтому мама говорила, что ей вредно волноваться и может стать хуже. И поэтому предупредила, чтобы я делала все, что мама скажет. На всякий случай.

– И что?

– Оказалась, что она совершенно нормальная. Даже симпатичная. Но все остальное...

День начался как обычно. В шесть утра прозвонил будильник, Серафима быстренько выключила его, не открывая глаз, и опять нырнула под теплое одеяло. Она даже успела вернуться в продолжение своего сна, светлого и пушистого, где были лошади из облаков и ветра, и одна из них уже согласилась покатать Серафиму по небу – и тут вдруг мамин голос сказал в самое ухо:

– Просыпайся, Светлячок.

– Нет, – отказалась Серафима, но было поздно – облачная лошадка, махнув серебряной гривой, растаяла. – Ну почему-у, – недовольно замычала Серафима, натягивая одеяло на голову, – почему в последние-препоследние дни каникул надо вставать в такую рань?

– Потому что если ты привыкнешь заранее просыпаться вовремя, тебе будет проще в школе.

– Ничего не проще. И я вообще не хочу к такому привыкать!

– Не капризничай, Светлячок! Одевайся, тебя ждет чай. И давай не терять время, утро чудесное.

Почти не открывая глаз, Серафима доплелась до кухни, сначала перепутала поворот, уткнулась во входную дверь – и только тогда вспомнила, что теперь кухня не направо, а налево. Потому что они опять в новой квартире. И что впереди, уже через несколько дней, новая школа. От этого настроение еще больше испортилось.

Пахло мятой и медом, вился парок над двумя чашками с чаем. За окном покачивалась мокрая береза, и моросил дождь, постукивал легонько в стекло, рассыпал крапинки мелких капель.

– Ты серьезно? – возмутилась Серафима. – Насчет чудесного утра?

– Нормальная погода, – мама пожала плечами, уселась за стол напротив Серафимы, глотнула чая, довольно улыбнулась и посмотрела в окно. – Свеженько, не пылит, дышится хорошо. Самое то для пробежки.

– Да какие пробежки в такой ливень, – вздохнула Серафима и хмуро посмотрела на маму, понимая, что все равно не отвертеться. И как можно называть эту погоду чудесной, и вообще – быть такой непозволительно бодрой в шесть утра?

– Если, например, за тобой погонится опасный зверь, – сказала мама, – его не остановит даже настоящий ливень, не говоря об этом смешном дождике. Надо уметь хорошо бегать в любую погоду.

– Ма, да какие звери посреди города! Тем более опасные! Хомячки? – фыркнула Серафима. Понятно, что идти придется, но можно хотя бы немного потянуть время, посидеть в теплой кухне, за чашкой сладкого чая.

– Еще какие, – вдруг серьезным голосом, больше не улыбаясь, ответила мама. И посмотрела на Серафиму так, что ей сразу расхотелось смеяться. – И оттого, что они иногда похожи на людей, они становятся еще опаснее.

После этих слов Серафиме стало неуютно и даже страшновато. Мокрый безлюдный парк, утопающий во влажном тумане, только усилил это чувство. Шлепая кроссовками по грунтовой размокшей дорожке следом за мамой, Серафима встревоженно оглядывалась по сторонам. Спать ей уже совсем не хотелось. Побыстрее бы вернуться домой, крепко запереть дверь и

пойти на тихую, безопасную кухню, к горячему чаю и вкусному завтраку. Глупее глупого бегать в тумане по безлюдному парку, если боишься каких-то там опасных зверей! А вдруг эти самые звери следят за тобой из-за кустов и только выжидают момент, чтобы напасть?

И вдруг, как будто почувствовав испуганный взгляд девочки, в кустах и правда кто-то громко затрещал ветками, проламываясь на дорогу.

– Ай! – крикнула Серафима, шарахнулась вперед, чуть не упала и едва не сбила с ног маму.

– Ты что? Спишь на ходу? – удивилась та, подхватывая дочь за локоть.

Возле их ног, грозно порывая, вертелся толстый мопс, с уморительно серьезным выражением сморщенной мордочки.

– Туся! – встревоженно закричали издали. Мопс фыркнул, строго посмотрел на Серафиму, и с треском ворвался обратно в кусты.

«Обхохочешься, – мрачно подумала Серафима, – если кому рассказать. Мопса испугалась! Хорошо, не хомячка...»

Мама вздохнула, внимательно глядя на Серафиму, как будто читала ее мысли.

– Вот что, – решила она и стянула с плеча ремешок, – рапиры понесешь. Взбодрись заодно. И давай-ка с ускорением на это горочку. Побежали!

– Какие такие рапиры? – выпучила глаза Ксанка.

– Обыкновенные, – пожала плечами Серафима. – То есть, вообще они не совсем обыкновенные, а с секретом. Они вроде как учебные, ну, знаешь, с таким шариком на конце, а на самом деле...

– Не знаю, – ответила Ксанка. – Я вообще про рапиры ничего не знаю. Это типа шпаги что ли?

– Не совсем. Рапира легче, и сечение клинка у нее не квадратное, а не треугольное, поэтому допустимы изгибы при уколах, и...

– Погоди-погоди, – перебила Ксанка. – Я уже запуталась. Зачем вам вообще рапиры?!

– Что значит – зачем? Для фехтования, конечно.

– А, ну конечно, – фыркнула Ксанка. – Для чего еще. А я-то подумала, вы с мамой по утрам в парке занимаетесь разбойными нападениями на прохожих. С рапирами и в полумасках, как Зорро.

– Ха-ха, – ответила Серафима. – Очень смешно.

– Ничего себе у вас обычное утро. И, что вы так всегда, это... ну, с рапирами бегаете?

– Иногда. Вообще мама обычно находит какого-нибудь местного учителя фехтования, и мы потом ходим к нему на уроки. Но если она не может найти такого, чтобы ей понравился, тогда мы занимаемся сами. Сначала бегаем, потом разминаемся, потом немножко фехтуем где-нибудь подальше в парке, где народ не ходит.

– То есть, твоя мама...э... не просто переводчик всяких текстов, а еще и фехтует этими самыми рапирами?

– Ну да. И очень классно. Мне так учиться и учиться.

– Та-ак, – протянула Ксанка и записала в свой блокнот следующий пункт: «фехтование, рапиры». – Значит, говоришь, вы эльфы, которых разыскивает мафия?

– Эльфы стреляли из луков, – напомнила Серафима.

– Может это устаревшая информация, – Ксанка не смутилась. – Хотя как-то рапиры не вяжутся с мафией. Но вообще, согласись, это как-то странно.

– Что? Фехтование?

– И это тоже.

– Я еще верховой ездой занимаюсь. И музыкой.

– Музыкой – можно, – разрешила Ксанка. – А вот остальное... Ты это все сама придумала? Рапиры, верховую езду?

– Нет, это мама.

– Вот я и говорю – странно. То есть, если ты занимаешься верховой ездой и фехтованием, совершенно не значит, что ты – эльф. Нужны какие-то еще другие признаки. У тебя уши нормальные?

Серафима рассмеялась и приподняла руками свои волосы.

– Нормальные, – разочарованно вздохнула Ксанка.

– Есть и другие признаки, – сказала Серафима.

– Ну?

– Я... как бы, знаешь, чувствую животных.

– Как это?

– Когда кто-то близко – например, птица, или собака – я понимаю, что они ощущают. Хорошо им или плохо. Иногда – что они хотели бы сказать, если бы могли. Приблизительно. Вот, например, Герда сейчас полностью счастлива.

Услышав свое имя, Герда подняла голову и вопросительно посмотрела на девочек, насто-рожив уши.

– Тоже мне, доказательство, – недоверчиво хмыкнула Ксанка, – Я тоже знаю, что она хочет сказать. И не приблизительно, а точно.

– Это значит, ты хорошая хозяйка и ее понимаешь.

– Да у Герды все на морде написано.

– Мама говорит, что в принципе, все люди это могут. Если прислушаются. Просто мало кто хочет. Но что-то чувствуют очень многие. Почему все так любят котят и щенков? Потому что от них счастье так и разливается вокруг, как свет от лампочки. Постоишь немного рядом – и сам начинаешь улыбаться. И кошек с собаками поэтому часто заводят, чтобы от них хорошие эмоции получать.

– Тоже мне, открытие, – хмыкнула Ксанка.

– И про растения мама то же самое говорит. Когда мы с ней в гости ходим, она иногда хозяевам замечания делает насчет их цветов. Говорит, не может смотреть, если цветам плохо или они вообще погибают. Мол, если уж завел живое существо – заботься о нем, как следует. И не важно, щенок это или кактус.

– Ну, в общем, это тоже не преступление, – заметила Ксанка.

– Еще... – Серафима задумалась. – У нас есть такое правило, как бы игра. Когда мы приезжаем на новое месте, всегда придумываем почтовый ящик.

– Как это?

– Такое тайное место. Обычно где-нибудь в парке или в сквере. О котором знаем только мы с мамой. И мы там иногда передаем друг другу записки или какие-нибудь маленькие вещи. Когда я была маленькая, мне это очень нравилось. А сейчас тоже кажется немного странным...

– Вот это уже ближе к делу, – задумалась Ксанка, – хотя в общем тоже ничего такого. Так а что там насчет твоей бабушки?

Глава 4. Незнакомая бабушка

Дорога вынырнула из леса и свернула к поселку. Мама сбросила скорость. Серафима взволнованно оглядывалась, рассматривая дома. Среди новых, больших и роскошных, за высокими заборами, попадались иногда деревянные дачки, старые и будто полинявшие. Интересно, какой бабушкин? И главное, какая она будет сама, бабушка? Неужели, правда, сумасшедшая? Тогда понятно, почему мама ничего раньше про нее не рассказывала...

Дом оказался старым. Но очень красивым. Двухэтажный, с двумя башенками, колоннами у входа, балконом и застекленной террасой. Возле стеклянных дверей лежал огромный белый пес. Заметив гостей, он басовито гавкнул и оглянулся назад. Как будто сказал: Эй, тут пришли. И неторопливо, с ленцой, поднялся навстречу посетителям.

Мама откинула щеколду на калитке и зашагала к дому. Гигантский пес, подслеповато щурясь и нюхая воздух, шел ей навстречу. В глотке у него клочкотало басовитое угрожающее рычание, в оскаленной пасти блестели огромные клыки. Он был похож на белого медведя, разбуженного неосторожными охотниками.

– Эй, мам, – растерянно позвала Серафима.

– Привет, Рональд, – сказала мама, бесстрашно протянула руку и потрепала вздыбленный мохнатый загривок. Ей даже не пришлось для этого нагибаться – холка собаки оказалась на уровне маминой талии. Выражение морды у пса стало растерянным, он даже чуть присел от неожиданности на задние лапы. Потом неуверенно вильнул хвостом, принялся, ткнулся черным кожаным носом в мамину руку, и его пушистый хвост заметался, как пропеллер.

– Надо же, он тебя узнал, – оказалось, что из дома вышла хозяйка, и внимательно наблюдает за происходящим.

Бабушка? – удивилась Серафима. – Это – моя бабушка?

Дама в черном – длинное, старинного фасона, платье, узкая юбка, рукава-фонарики, белое кружево на груди, яркая янтарная брошь, широкополая шляпка. Опиралась дама на красивую резную трость и была совершенно не похожа на бабушку. Скорее, на какую-нибудь герцогиню.

– А вам бы хотелось, чтобы он меня сожрал, Елизавета Павловна? – спросила у нее мама, продолжая гладить довольного пса. Ее голос был насмешливым и холодным.

– Не знаю, ест ли он людей, – в тон ей ответила дама, – обычно чужаки замечают его издали и не суются на участок, как к себе домой.

– Если мы не вовремя, можем уехать, – с энтузиазмом предложила мама и легонько оттолкнула пса, который теперь облизывал ей руки.

– Ничуть, – величественно ответила дама, и, тяжело опираясь на трость, спустилась с крыльца. – У меня как раз свободный день. И кекс свежий, как раз пригодится к чаю. Не выбрасывать же его.

Она перевела взгляд на Серафиму и, наконец, улыбнулась. Хотя улыбка и получилась чуть снисходительной, но по крайней мере, величественное лицо немного оживилось.

– Здравствуй, дитя. Ты подросла, хотя и не так сильно, как можно было ожидать. Такие стрижки э... под мальчика сейчас модны, или у вас нет денег на приличного парикмахера? У меня есть хороший мастер, и я могла бы порекомендовать...

– Спасибо, – очень вежливо ответила мама, но по ее лицу было видно, что она злится. – Мы не нуждаемся.

– Нам с мамой нравятся такие прически, – сказала Серафима, – это удобно.

Может, мама права, – подумала она, – и не нужно было сюда приезжать? Вообще-то она немного обиделась, что ее назвали коротышкой. Серафима действительно, была невысокой, но

ведь необязательно об этом заявлять вот так, в первую минуту знакомства? Не говоря про то, что невежливо критиковать прически, особенно когда твоего мнения не спрашивают.

– Удобно? – удивилась «бабушка». И добавила с насмешливой улыбкой, переводя внимательный взгляд с мамы на Серафиму: – Это, безусловно аргумент.

Она это специально – поняла Серафима. Злит маму. Зачем?

– Мам, а нам уже не пора домой? – спросила она беззаботным голосом. – Мне еще к школе готовиться, помнишь?

– Может и пора, – отозвалась мама, задумчиво глядя на Елизавету Павловну.

– Что вы, дорогие мои, – воскликнула та. – Вы ведь только приехали! Давайте, хотя бы выпьем чаю. Ольга, – повернулась она к маме, – будь добра, сервируй стол в гостиной. Сервиз возьми английский, с верхней полки буфета. Все на прежних местах, если ты помнишь. Кекс в холодильнике.

Мама задумалась, поглаживая Рональда по лобастой голове. Тот жмурился и умильно заглядывал ей в лицо. Бабушка-герцогиня ждала, стиснув в руке трость. На пальцах огнями горели перстни.

– Хорошо, – наконец, сказала мама, – чаю выпьем. Раз приехали. Серафима, пойдём, поможешь мне.

– Надеюсь, ты справишься сама. А девочка, – рука Елизаветы Павловны вцепилась в локоть Серафимы, – девочка поможет нарезать мне цветов для букета. Руки трясутся, – тихо добавила она, отводя взгляд в сторону, – боюсь отрезать себе пальцы вместо цветов. А хочется, чтобы в доме пахло осенними астрами. Как раньше, – совсем тихо сказала она.

– Конечно, – почему-то смущенно ответила мама. – Серафима, помоги.

– Пойдем, дитя, – прежним надменным тоном провозгласила Елизавета Павловна. – Возьми-ка вот эту корзинку и ножницы. Да нет, другую. – И, опираясь на плечо Серафимы, «бабушка» потащила ее по дорожке вдоль дома. Руки у нее ни капельки не тряслись, все она наврала.

Рональд растерянно потоптался на месте, глядя то на маму, но на хозяйку, и все-таки, пошел следом за Елизаветой Павловной.

Серафима обернулась к маме и сделала отчаянное лицо. Та пожала плечами – мол, что делать, потерпи немного.

– Смотри под ноги, дитя, – сварливо одернула свою проводницу Елизавета Павловна, – не то мы обе свернем ноги на этих камнях.

– А вы бы не надевали каблуки, раз такие камни, – сказала Серафима. – Или у вас тут так модно?

– А вот в наше время молодежь не хамила старшим, – проворчала Елизавета Павловна и почему-то с улыбкой покосилась на девочку.

Серафима хмуро промолчала, даже не собираясь извиняться. Сключная «бабушка» надоела ей за несколько минут знакомства хуже редьки.

Дорожка огибала дом, потом заворачивалась петлей вокруг густого малинника, колючие ветки которого так и норовили цапнуть то за лицо, то за одежду, то за неудобную корзинку. За малинником начинался цветник. Елизавета Павловна остановилась.

– А вот и астры, – сказала она. И обернулась. Позади, в доме, хлопнула дверь. Елизавета Павловна вдруг притянула к себе Серафиму, улыбнулась, и сказала совсем другим голосом – живым и теплым:

– Я очень рада видеть тебя, девочка.

Серафима изумленно уставилась на нее, хлопая глазами.

– Извини, что я была грубой. Твоя мама не позволила бы мне поговорить с тобой, если бы увидела, что я тебе понравилась.

– Что? Почему? – растерянно спросила Серафима.

– Она вообще не хотела, чтобы ты виделась со мной. Чтобы я рассказала тебе... Вот, возьми, – Елизавета Павловна протянула руку, и из ее пальцев в ладонь Серафимы перетекла тонкая блестящая цепочка с какой-то подвеской. Серафима собралась рассмотреть, что это, но «бабушка» торопливо сжала ее ладонь. – Спрячь, – сказала она, – не нужно, чтобы твоя мама видела, что я тебе это дала.

Поколебавшись, Серафима положила цепочку в карман и спросила:

– Что это? И зачем мне?

– Ключ, – ответила Елизавета Павловна.

– Разве там ключ? – Серафима попыталась изучить маленькую подвеску на ощупь.

– Андрей сказал, что это ключ от твоего наследства. И что ты сможешь им его открыть.

– Что открыть?

Если там был ключ, то очень странный. Вроде какой-то завиток. Серафима осторожно вытащила его и посмотрела, прикрывая ладонью. Точно, золотой завиток, никакой не ключ.

– Спрячь, – повторила Елизавета Павловна. – Я покажу тебе, что. Приезжай еще раз. Без своей матери. Ты уже взрослая, доедешь на электричке. Я тебя встречу. Вот, возьми телефон, – она протянула сложенный листок бумажки. – Твоя мать не позволит мне отдать это тебе. Андрей сказал...

– Андрей – это ваш сын? – спросила Серафима.

– Да.

– А он... где?

– Он умер, деточка. Твоя мать не рассказала тебе даже это?

Серафима покачала головой. У Елизаветы Павловны было очень грустное лицо.

– Твоя мама ушла от него... от нас... когда тебе было три года. Он не смог ее забыть. Очень тосковал. Он очень ранимый... был очень ранимый. Творческий, впечатлительный человек. Он был художник. Этого твоя мать тебе тоже не говорила? Вообще ничего не говорила, ни про него, ни про меня, да? Он умер через два года после того, как она ушла.

– А вы... вы действительно моя бабушка?

– Нет, деточка. Не совсем. Но мне будет приятно, если ты будешь называть меня так.

– Что значит – не совсем?

– Ты была совсем маленькой, когда вас встретил Андрей. Он вам помог. Спас. Твоя мама тогда была в трудной ситуации, и он помог. Вы стали нашей семьей, жили в этом доме. До тех пор, пока твоя мама не решила оставить нас. После смерти Андрея мой муж тоже прожил недолго. Я теперь одна. С Рональдом, – слабо улыбнулась она, протягивая руку псу, который, услышав свое имя, завилял хвостом и подошел ближе. – Ты ведь еще наведишь нас, деточка, да? Я буду рада. Конечно, я отдам тебе то, что оставил Андрей. Но и потом... ты ведь будешь иногда приезжать ко мне... просто так?

Она была теперь совсем другая. Не надменная и капризная. А печальная и очень одинокая.

– Да, конечно, – растерянно пробормотала Серафима. Ей было неловко. Стыдно. За себя. И за маму. Получается, мама повела себя как какое-то чудовище. Почему? А теперь она, наверное, не хочет, чтобы Серафима обо всем узнала – поэтому запрещает ей видаться с бабушкой.

– Конечно, бабушка, – неловко добавила она.

Елизавета Павловна улыбнулась. Кажется, ей понравилось.

– Давай – ка нарежем этих дурацких астр, – предложила она. – И побольше. Возьмешь букет с собой на память.

За чаем мама и бабушка, как будто сговорившись, очень вежливо беседовали о всякой ерунде, вроде погоды и способов обрезки роз. Уж маме, которая отродясь не занималась никаким садоводством, на это было точно наплевать.

А в воздухе висело такое напряжение, хоть ножом режь. Серафима нервничала, ожидая, когда они снова начнут ругаться, гладила Рональда по мохнатому загривку и озиралась вокруг. Комната была интересная. Не дача, а какой-то музей. Камин, бронзовые подсвечники, расписные вазы, картины на стенах. Приглядевшись к той, что висела у окна, Серафима ахнула.

– Это же Рональд! – воскликнула она.

Пес, услышав свое имя, задрал голову и вопросительно взглянул на Серафиму. На картине на скамеечке среди цветов сидела женщина в светлом платье, а возле ее ног лежал огромный белый пес.

– И это же вы, только... только... – Серафима запнулась.

– Только молодая? – насмешливо подсказала бабушка.

– Другая. И платье – другое, – смутившись, пробормотала Серафима. Дело, конечно, было не в платье. И даже не в том, что женщина на картине была молодой. Главное было в том, что она улыбалась. И казалось счастливой. Но бабушка, наверное, и сама это понимала. Когда она посмотрела на картину, ее лицо стало грустным. Как и голос.

– Многое тогда было другим, – с горечью сказала она. – До того, как мой сын встретил твою маму.

– Мне жаль, что так все получилось. Я не хотела, – тихо сказала мама.

– После того, как ты бросила его, он оставил живопись, – Елизавета Павловна смотрела на картину, ее голос дрожал. – Ничто ему было не в радость. Жизнь и радость ушли из нашего дома.

– Я не хотела... – повторила мама, но Елизавета Павловна ее не слышала.

– Ты отняла у меня сына. Но и у дочери своей ты отняла семью, которая у нее могла бы быть.

Елизавета Павловна замолчала, не отводя глаз от портрета, на котором она была молода и счастлива. Ее глаза блестели от слез.

Рональд поднялся и подошел к своей хозяйке, положил голову ей на колени и вздохнул. Елизавета Павловна опустила руку ему на загривок, ее пальцы утонули в густой шерсти.

– Пожалуй, мы пойдем, – негромко сказала мама, поднимаясь из-за стола.

– Да, приятно было повидаться, – равнодушным голосом ответила Елизавета Павловна, не поворачивая головы.

Серафима замешкалась и оглянулась на пороге. Елизавета Павловна посмотрела на нее и улыбнулась, чуть склонив голову. Будто напоминая о своем приглашении.

На обратном пути Серафима сидела, сторбившись и молча глядя на дорогу. Мама тоже молчала. За окном мелькали разномастные дома. В одном дворе дети играли в мяч, в другом – возились с собакой, еще в одном – семья пила чай в уютной беседке. В основном, правда, жизнь дачников была скрыта высокими заборами, но Серафиме хотелось верить в то, что она и там такая же счастливая и безмятежная, как на подсморенных картинках. Но она знала, что в одном доме, который оставался все дальше и дальше, сидит одинокая старая женщина и плачет, глядя на старую картину. А рядом с ней грустит старый пес, который пытается, но никак не может утешить свою хозяйку. Потому что даже самая лучшая, самая преданная собака не защитит тебя от прошлого.

Дорога нырнула в лес. Мама остановила машину. Пару минут сидела, положив руки на руль. Потом повернулась к Серафиме.

– Все было не так, – сказала она. – Не так, как она говорит.

– А как? – тихо спросила Серафима. Она была не уверена, что хочет услышать ответ. Потому что она чувствовала, что Елизавета Павловна не врал.

– Когда Андрей встретил нас, я ... была больна, – мама запнулась, – точнее, ранена. То есть... на самом деле я почти умирала. Ты была совсем маленькая, два с половиной месяца. И я знала, что если умру, ты тоже погибнешь. Только поэтому у меня хватило сил выжить.

Серафима смотрела на маму, округлив глаза. Раньше она ничего такого не рассказывала.

– Те шрамы на боку, из-за которых ты всегда надеваешь закрытые купальники... – неуверенно начала Серафима.

– Да, – ответила мама. – Да, это было тогда. Андрей меня спас. Нас с тобой.

– Спас – в смысле отбил от каких-нибудь бандитов? – предположила Серафима. «Которые нас чуть не убили, – хотела продолжить она. – За что?» Но промолчала, опасаясь спугнуть мамину откровенность.

– Нет. Нет, – мама улыбнулась. – Хотя он бы мог. Я думаю. Он нас подобрал. Привел к себе домой. Напоил, накормил, вызвал врача. Предложил крышу над головой. Для этого иногда требуется куда больше сил и мужества, чем для спасения от бандитов, – мама опять улыбнулась. – Пустить в свой дом и в свою жизнь незнакомую женщину с ребенком. А потом – предложить ей этот дом и самого себя в придачу – навсегда.

– Он предложил тебе выйти замуж? – уточнила Серафима. – Но ты отказалась?

Мама вздохнула. Отвела взгляд.

– Сначала я подумала, что мы сможем остаться. Что тебе там будет хорошо. Но я ошиблась.

Мама замолчала. Серафима хотела спросить у нее, почему, но не решалась. А вдруг она спохватится, что и так уже рассказала слишком много, и больше ничего не скажет. Мама, задумавшись, продолжала молчать, и Серафима все-таки спросила:

– Потому что ты не могла забыть папу? Моего настоящего папу?

– Поэтому тоже, – помедлив, согласилась мама.

– Ты говорила, что он умер? – Серафима затаила дыхание. Мама никогда об этом не рассказывала. Стоило только начать ее спрашивать – сейчас же прекращала разговор или уводила его в сторону. А может... может потому, что на самом деле папа не умер? Или что это точно не известно, но тогда тоже есть пусть малюсенькая, но вероятность...

– Да, – ответила мама. Как отрезала.

– Его убили те, кто гнался за тобой... за нами?

– Кто тебе сказал, что за нами кто-то гнался?

– Ну, ты же была ранена...

– Это неважно, – отмахнулась мама. – Не относится к делу. Мы уехали от Андрея, потому что оставаться было неправильно. Он был в опасности из-за нас. И вся его семья. Я не могла так отплатить ему за добро и помощь. И, кстати, Елизавета Павловна хотела, чтобы мы уехали. Она немало постаралась для этого. Сейчас возможно она об этом забыла. Или не хочет вспоминать. Мы ей не нравились. Я ей не нравилась. И она хотела, чтобы мы уехали. Конечно, никто не знал, как это потом обернется. Она этого не хотела. И я тоже. Просто... не все последствия наших поступков можно предсказать. Понимаешь, Светлячок, некоторые вещи происходят сами по себе. Если бы знать заранее, что все будет именно так, тогда...

– Ты сказала, что он был в опасности из-за нас. Значит, за нами кто-то продолжает гоняться? Значит, этот кто-то нас может найти? – взволнованно спросила Серафима.

– Никто нас не найдет, – сердито сказала мама. – Не придумывай.

Она завела машину и снова вырулила на дорогу. И до самого дома больше не говорила ни о чем.

– Так-так, – прищурившись, сказала Ксанка. – Значит, за вами все-таки кто-то охотится?

– Я тебе про это и говорю, – подтвердила Серафима.

– «Он был в опасности из-за нас», – задумчиво процитировала Ксанка, – вот поэтому вы все время меняете города и страны. Чтобы вас не нашли. Вопрос – кто?

– Мафия? Или какая-то разведка? Может, мой папа был разведчик? Или какой-нибудь агент? Может, он потерял память, и теперь поэтому не может нас найти? Помнишь, как в идентификации Борна?

Ксанка хмыкнула.

– Тут нестыковочка, – заметила она, постукивая карандашом по блокноту.

– Какая?

– Твоя мама явно что-то знает насчет этого. Предположим, за вами охотится какая-нибудь разведка или мафия. В первую очередь надо что?

– Что?

– Сменить внешность, – Ксанка начала загибать пальцы, – потом документы, потом перебраться себе в какое-нибудь тихое место и там замаскироваться под обывателей. Все бывшие агенты и разведчики так делают, вон, любое кино посмотри.

– Так в кино их там и раскрывают от такой маскировки.

– Ну знаешь, то что вы делаете, тоже ни в какие ворота. Мечетесь по всему миру, на виду у всех. Внешность не меняете. Документы тоже.

– Не меняем, – подтвердила Серафима.

– Вот. Так не маскируются. Вас бы уже давно раскололи и нашли, за столько лет-то. И, главное, есть еще пункт два.

– Какой-какой пункт?

– Два.

– И что в этом пункте?

– Твое образование.

– Нормальное у меня образование, – пожалала плечами Серафима.

– Фехтование? – спросила Ксанка. – Верховая езда? Музыка... но это ладно... хотя, если бы твоя мама была всерьез озадачена преследованием какой-нибудь мафии, она бы тебя чему учила? И, кстати, вместе с тобой бы и сама тренировалась. Не фехтованию, а стрельбе из пистолета. Не верховой езде, а экстремальному вождению на мотоцикле или машине.

– Кстати, – сказала Серафима, – мне мама всегда дает с собой перцовый баллончик. Говорит, что хорошо помогает от собак и вообще разных опасных зверей. А собаки меня не трогают, я тебе говорила, что я с ними умею договариваться? А какие другие опасные звери в городе?

– Ну, перцовый баллончик – это несерьезно, – Ксанка сморщила нос. – Вот если бы она тебя учила, например, каратэ... Или может, шифрование какое. Или способы подделки документов.

– Ксанка! – прервала Серафима фантазии подруги. – Мы-то с мамой не шпионы какие-нибудь. Зачем нам шифрование?

– Ну, мало ли. А вот музыка тут вообще лишняя. В общем, так. Либо за вами все-таки никто не охотится. Либо просто твоя мама уверена, что не охотится. Либо вас преследуют какие-нибудь мушкетеры или... правда, эльфы...

– Эльфы, которые боятся перцовых баллончиков, – хихикнула Серафима. – Зачем бы им это? Чтобы я их поразила своими уникальными музыкальными способностями?

– Ну, я не знаю, – Ксанка, кажется, немного обиделась за насмешку над своими аналитическими способностями. – Зачем – это уже второй вопрос. Кстати, а что там был за ключ?

– Который мне отдала бабушка? Вот, смотри, я как раз хотела тебе показать.

Серафима вынула из кармана цепочку с подвеской и протянула ее Ксанке. Та внимательно посмотрела, пощупала, повертела в руках и задумчиво сказала:

– Мда.

Собственно, больше тут нечего было сказать.

На ладони Серафимы лежала маленькая золотая подвеска в форме скрипичного ключа. Как таким ключом можно было бы открыть какое-то наследство, было совершенно непонятно.

– Твоя...э... то есть, та Елизавета Павловна не могла чего-нибудь перепутать?

– Понятия не имею. Я ее сама впервые видела.

– Так. Ладно, надо посмотреть, что там за наследство. Пока это, похоже, единственная ниточка. И может, твоя бабушка еще что-то расскажет.

– А поехали к ней вместе? – предложила Серафима.

– Давай, – тут же согласилась Ксанка.

– Ура! – обрадовалась Серафима. – Здорово, что ты согласилась. Мне знаешь, как-то было страшновато туда ехать одной.

– Для того и нужны подруги, – глубокомысленно заметила Ксанка, – чтобы всякие страшные вещи делать вместе. Тогда эти вещи получаются совсем не такие страшные, примерно вполовину не-страшнее.

– А всякие интересные вещи получаются в два раза интереснее.

– Точно! – согласилась Ксанка. – вот такая здесь арифметика. Теорема дружбы.

– Аксиома, – поправила ее Серафима, и они засмеялись. Задремавшая было Герда проснулась и вскочила, виляя хвостом, чтобы принять участие в веселье.

– А ты чего радуешься? – строго сказала ей Ксанка. – Тебя мы с собой не возьмем. Там такой Роланд... Рональд? В общем, белый медведь. Он тебя еще съест. Или ты его. В общем, будут жертвы, а у нас мирное посольство. Поняла?

Герда состроила умильную морду, видимо, уверяя окружающих, что она самая мирная собака, и завильяла хвостом сильнее.

– Даже не думай, – сказала ей Ксанка. И повернулась к подруге: – Когда едем? Завтра? То есть, сегодня?

– Нет, – с сожалением отказалась Серафима. – Я завтра, то есть, сегодня не могу. Последний день перед школой. Как я объясню маме, куда я поехала?

– У, как у тебя строго...

– И потом мы с ней идем записываться в местную секцию по верховой езде. А послезавтра уже школа...

– Да, в первый день прогуливать нехорошо, – согласилась Ксанка. – Тогда после-после-завтра?

– А во второй можно? – удивилась Серафима.

– Не волнуйся. Я тебе напишу записку.

– Какую?

– Ну как бы от твоей мамы. Например, что у тебя болит горло. Вряд ли твои учителя уже знают ее почерк?

– Вряд ли, – согласилась Серафима.

– Вот, и для этого тоже нужны подруги. Чтобы когда надо написать тебе чего-нибудь не твоим почерком.

– Ладно, давай попробуем во вторник, – согласилась Серафима. Ей не очень нравилась идея насчет прогулов, и тем более – поддельной записки. Но с другой стороны, затягивать поездку к бабушке тоже не хотелось. – Ой, – она взглянула на часы. – Мне, кажется, пора. Надо успеть доехать до дома до утренней пробежки. Иначе мама меня убьет...

– Пойдем, мы с Гердой тебя проводим. – сказала Ксанка.

Глава 5. Черный ветер

Неожиданно это получился очень хороший день. Может, быть, самый лучший в жизни Серафимы. Во-первых, он начался с Ксанкиной Ночи рождения. Во-вторых, Серафима успела домой вовремя, до того, как мама пришла ее будить. Но самое главное и самое чудесное событие этого дня, оказывается, было еще впереди.

Конюшня, в которую они пришли с мамой, находилась на дальнем краю парка. Она была приземистой и небольшой, всего на восемь денников, один из которых был занят под хозяйственные нужды – ведра, вилы, мешки с фуражом. Очень скромная, но опрятная. Но почему-то она с первого взгляда Серафиме не понравилась.

Рыжая лошадка, привязанная перед конюшней, выглядела ухоженной – упитанные начищенные бока блестели под солнцем, как шелк.

Серафима не могла понять, в чем дело. Она любила лошадей, и ей нравилось знакомиться с конюшнями и их обитателями, гладить бархатные носы, протягивать на руке угощение, чувствовать, как аккуратно теплые шершавые губы собирают с ладони крошки сухариков. Лошади были удивительными – такие большие, сильные звери, но добрые, доверчивые и снисходительные к людям. Встречался, конечно, и у них скверный характер и вредные привычки – но куда реже, чем у людей. Конечно же, Серафима мечтала о своей лошади, с которой можно было подружиться и не расставаться. Но понимала, что это мечта совершенно утопическая – если уж даже на собаку, даже совсем маленькую, мама не соглашалась.

Но с этой конюшней что-то было не так. Серафиму даже замутило, когда они с мамой шагнули внутрь. Захотелось немедленно развернуться и уйти. Нет, даже убежать. Может, она просто что-то не то съела за завтраком и, например, отравилась? Серафима запнулась о порог и схватилась за дверь, чтобы не упасть.

– Светлячок? – тихо спросила мама, встревожено поворачиваясь к ней.

Наталья Евгеньевна, тренер, с которой мама договорилась сперва посмотреть лошадок, тоже удивленно обернулась.

– Я что-то немного... – пробормотала Серафима, с трудом преодолевая тошноту. Давай уйдем – хотела сказать она, но дурнота накатила удушливой волной, и Серафима не смогла произнести ни слова. Сначала она ничего не видела, глаза привыкали к полумраку после яркого солнца снаружи. Потом увидела головы лошадей, выглядывающих поверх загоронок, и с любопытством разглядывающих посетителей. Гнедая с белым носом, рыжая со звездочкой во лбу, вороная... Из дальнего денника на Серафиму взглянули очень красивые и печальные глаза, и такой тоской и отчаянием плеснуло из этого взгляда, что Серафима пошатнулась. И поняла, что это оно. То, из-за чего ей было так худо. Потому что этой лошади было очень-очень плохо. Как замороженная, как будто кто-то дернул ее за руку и потащил, Серафима пошла к дальнему деннику.

– Девочка, стой, куда! – окликнула ее Наталья Евгеньевна.

– Серафима! – позвала мама.

Но Серафима их не слышала. Она шла на отчаянный зов коня.

Он стоял в темном углу, понурив голову. Высокий и тощий, он был похож на скелет, обтянутый кожей. Ребра выпирали, нечищенная шкура была тусклой и пыльной, в спутанном хвосте застрял репейник. Когда Серафима взялась за дверцу денника, он вскинул голову, в тоскливых глазах мелькнула надежда – и опять пропала.

– Стой, стой, – Наталья Евгеньевна оторвала руки Серафимы от дверцы. – Куда! К нему нельзя.

– Что с ним? – тихо спросила мама. Она обняла Серафиму за плечи, притянула к себе, и растерянно смотрела на больного коня.

– Да дикарь это, – Наталья Евгеньевна огорченно махнула рукой. – Приблудный. Вы только теперь не думайте, что это мы его так довели, он просто не ест почти ничего, и никого к себе не подпускает. Даже почистить себя не дает.

– Как – приблудный? – удивленно спросила мама. – Вроде не котенок. Тут что, лошади бродячие есть? Или дикие?

– Люди тут дикие есть, – сердито пробурчала Наталья Евгеньевна. – Хозяин у него умер. Внезапно, вроде инфаркт. А наследникам не до коня, они дом с машиной делят. Вот конь где-то у них там стоял некормленный и под дождем, таким тощим и грязным уже к нам привели, к забору привязали и сказали – у вас тут конюшня, вот и забирайте, а нам не нужно. И ушли, не здрасте, ни до свидания. А конь от людей шарахается, никого к себе не подпускает. Ветеринара к нему приглашали, так сначала он от ветеринара отбивался, а потом – наоборот. Спасибо, у нас доктор хороший, возился тут с ним столько времени.

– И что? – спросила мама.

– Ну, врач говорит, в целом здорова лошадка. Откормить только надо. А как его откормишь, когда он почти не ест? Жалко, конечно, парня. Только непонятно, что с ним делать. Возиться тут с ним некому, у нас прокат, а не санаторий. А куда его, такого дикого, в прокат, даже если откормить и отмыть получится? В общем, хозяйке нашей вся эта история не нравится, понятно. Она думает его продать, но опять же, куда его такого продашь? И документов нет. Хотя экстерьер хороший, и породу видно, текинская кровь тут точно есть, шея смотрите какая, и голова...

– Текинская? – спросила Серафима. Она высвободилась из маминых рук и опять подошла к деннику, только теперь пока не пыталась его открыть. Ее тянуло к коню, как магнитом.

– Ахалтекинская, – пояснила мама, переводя внимательный взгляд с дочери на лошадь. – Помнишь, я тебе рассказывала?

– Это такая древняя порода, в которой лошади привязываются к одному хозяину и слушаются только его?

– Именно так, – подтвердила мама.

– Точно, – сказала Наталья Евгеньевна, – текинские – они все с вывертом. Обидчивые, да капризные. Морока с ними.

– А ему кто-нибудь сказал, что его хозяин умер? – спросила Серафима.

В глазах коня была тоска. Одиночество. И обида.

– Что? – удивилась Наталья Евгеньевна.

– Что хозяин умер, – повторила Серафима. – А не бросил его?

– А ты поговори с ним, – вдруг предложила мама.

Теперь удивилась Серафима. И растерянно посмотрела на маму. Вместе с Натальей Евгеньевной, которая тоже, кажется, изумилась от такого предложения.

А мама спросила:

– Как его зовут?

– Мишка, – ответила Наталья Евгеньевна. – Михаль. Или Рихаль? Или Рихаляс... что-то такое с вывертом. Эти наследники, вроде сами точно не знали.

– Михаль... Рихаляс... Рих-аль-ас... аль-асвад, – задумчиво забормотала мама какую-то абракадабру: – рих-аль-асвад...

Конь вскинул голову и посмотрел на маму.

– Ар-рих аль-Асвад! – громко сказала она, и вдруг конь коротко жалобно заржал, мотнув головой. И шагнул вперед.

– Точно! – обрадовалась мама. – Вот тебе и имя, Светлячок.

– Ну, вы даете, – растерянно пробормотала Наталья Евгеньевна, – это что, какое-то колдовство?

– Это арабский язык, – ответила мама. Усмехнулась. – И магия языковых курсов при восточном факультете. Попробуй, Светлячок. Имя он узнал, думаю, и тебя послушает.

– Что вы собираетесь... – Наталья Евгеньевна нахмурилась.

– Пожалуйста, позвольте ей попробовать, – сказала мама, и придержала тренера за локоть. – Хуже-то все равно не будет, да?

Серафима уже открыла денник и скользнула внутрь. Конь настороженно смотрел на нее, раздув ноздри. Голова у него была красивая, будто вырезанная из камня четкими совершенными линиями, блестящие глаза – по-человечески умные и внимательные. Кроме тоски и отчаяния в них теперь было любопытство.

– Ар-рих аль-Асвад, – позвала Серафима, стараясь точно копировать мамину интонацию. «Ха» – еле слышное, почти придыхание, ударение на последний слог. Мама говорила, как важно в чужих языках произношение, и как иногда одна буква меняет весь смысл слова. Наверное, произнесла она правильно, потому что конь вздрогнул и шагнул ей навстречу. И неуверенно потянулся к ее руке. Он был настороженный и напряженный, как пружина. Готовый в любую секунду отшатнуться – от любого неверного слова или жеста. Серафима чувствовала его напряжение. И недоверие. И боль.

Очень осторожно, почти невесомым прикосновением, она тронула кончиками пальцев его шею. И вдруг будто искра проскочила между ее пальцами и шелковистой лошадиной шерстью. Конь вздрогнул, его глаза вдруг оказались совсем близко, и Серафима покачнулась, словно проваливаясь в черноту его взгляда. На нее обрушились его чувства – тоска, отчаяние, боль. Не слабым отголоском, как раньше, а в несколько раз сильнее. Как будто она вдруг сама очутилась в темноте и страхе, в незнакомом месте, и не было больше добрых рук и голоса, которые приносили тепло и любовь. Он ушел, ушел, тот единственный, от которого был свет и покой. Осталась темнота, дождь и холод, промораживающий до костей. Чужие злые руки и голоса, приносящие боль. Безвкусная ненужная еда. Ожидание, долгое и выматывающее, и надежда, что тот, единственный, вернется, и вместе с ним вернется жизнь. Ожидание тянулось, надежды и сил оставалось все меньше, с ними уходил последний свет, и темнота подступала все ближе, накатывала черным ледяным приливом, заливалась в глаза и ноздри, так, что уже было трудно дышать...

– Прочь, – сказала ей Серафима. Уверенно положила ладонь на шею коня, и позвала его, как раньше звал хозяин: – Ар-рих аль-Асвад. Иди ко мне. Не умирай. Живи. Я пришла за тобой.

Ладонь, которой она касалась коня, стала горячей. Тепло будто потекло от пальцев Серафимы к лошадиной шее. Тепло и жизнь. Ар-рих аль-Асвад вздрогнул. Серафима ухватила в кулак короткую гриву и повела его за собой. Из черноты – на свет. И он послушно пошел следом, подстраиваясь под ее шаг.

– Я с тобой, – говорила ему Серафима, – Я не позволю никому тебя обидеть. Больше никто не оставит тебя под дождем. Никто не ударит тебя. Теперь все будет хорошо.

– Опасно давать слишком много обещаний.

Серафима вздрогнула и будто проснулась, оглядываясь вокруг. Она стояла возле двери денника, держа за гриву Ар-рих аль-Асвада. Получается, они прошли всего пару шагов, а казалось – что шли очень долго, по какой-то длинной дороге, которая вела из черноты к свету.

– Почему опасно? – спросила Серафима, растерянно озираясь.

– Потому что потом придется их выполнять, – объяснила мама. – А если не выполнишь хотя бы одно, тебе перестанут верить. И главное даже не то, что перестанет верить тот, кому ты давала обещания. Самое опасное в том, что ты сама перестанешь себе верить, Светлячок.

Голос у мамы был грустным. Серафиме захотелось спросить – какие обещания ты не сумела выполнить? Но она промолчала. Просто взяла из маминых рук несколько сухариков и протянула Ар-рих аль-Асваду.

– Не возьмет, – сказала Наталья Евгеньевна. Но голос у нее был неуверенный, а лицо – растерянное. Как будто она вместе с Серафимой прошла несколько километров по черной невидимой дороге – и опять оказалась на прежнем месте.

Конь склонил гибкую шею и очень аккуратно собрал с ладони Серафимы все сухарики до последней крошки. И посмотрел вопросительно.

– Овес, – почему-то шепотом подсказала Наталья Евгеньевна. – Овса ему дай. Сейчас.

Она протянула через дверь денника ведро, на четверть заполненное зерном.

Ар-рих аль-Асвад не обратил никакого внимания на овес, он внимательно смотрел на Серафиму. И только тогда, когда она зачерпнула пригоршню зерна, потянулся к ее ладоням. И так же аккуратно, по зернышку, собрал с ее рук овес. Серафима зачерпнула еще горсть. И так скормила ему все, что было.

– Тьфу, – сказала Наталья Евгеньевна. – Вот я и говорю, что они все с вывертом. Текинцы эти.

Забрала у Серафимы опустевшее ведро и ушла, сердито звякая ручкой.

– Держи-ка, – сказала мама, протягивая щетку со скребницей. – Закрепим успех. А я пока пойду с ней поговорю.

Конь стоял неподвижно, не возражая против чистки, только иногда поворачивал голову и смотрел на Серафиму. Из-под грязи и пыли постепенно показывалась черная блестящая шерсть.

– Да ты вороной, – сказала Серафима, наглаживая щеткой узкую спину, – и какой красивый. А кто бы подумал.

– И правда красивый, – подтвердила мама, заглядывая в денник.

Ар-рих аль-Асвад прижал уши и настороженно покосился на нее.

– Свои, – сказала ему Серафима и легонько хлопнула по крупу, – не напрягайся.

А потом повернулась к маме. Странное чувство, которое будто потащило ее сюда, к чужой лошади, и заставило сделать что-то непонятное – вывести коня из темноты, где он заблудился? – отступило, растаяло. Остался Ар-рих аль-Асвад, самый чудесный, самый лучший – но чужой конь в чужой конюшне. И как бы Серафима не хотела, она не могла взять его за гриву и вывести отсюда, как вывела из темноты.

– Что с ним теперь будет, мам? – тихо спросила она. Хотелось расплакаться, потому что Серафима не представляла, как сможет уйти отсюда и опять оставить Ар-рих аль-Асвада одного. И, возможно, больше его не увидеть. Опасно давать слишком много обещаний – сказала мама. А Серафима уже наговорила их целую тучу, и, кажется, не сможет выполнить ни одного. Может, по крайней мере, получится уговорить Наталью Евгеньевну, чтобы приходить сюда хотя бы какое-то время, пока...пока они не найдут нового хозяина для Ар-рих аль-Асвада?

– Зависит от тебя, – вдруг сказала мама.

– Как? Что? – изумилась Серафима.

– Он теперь твой.

– Как?! – голос Серафимы сорвался. – Как это может быть? Это правда? Правда, мам!?

– Юридически, – сказала мама, – он будет мой, поскольку ты несовершеннолетняя. Но мы с тобой договариваемся, что за него отвечаешь ты.

– Я буду... я буду отвечать!

– Надеюсь, ты понимаешь, что это не игрушка, а серьезная ответственность. Если окажется, что ты не сможешь справиться, мне придется найти ему какого-нибудь другого, более ответственного хозяина.

– Я буду ответственная! – перебила ее Серафима. – Я буду самая ответственная!

– Хорошо, – мама улыбнулась, – потому, что он уже потерял одного хозяина, и видишь, как ему было тяжело. Ахалтекинцы очень привязываются к человеку, в этом смысле они похожи скорее на собак, чем на лошадей. Поэтому, если теперь ты его бросишь...

– Я не брошу!

– Хорошо. Думаю, ты помнишь, что я говорила насчет обещаний. А теперь, раз ты коневладелица, тебе и денник отбивать. Тут, похоже, давно не убирались, твой питомец никого близко не подпускает.

«У меня есть лошадь», – думала Серафима, со счастливой улыбкой сгребая опилки, – «И самая замечательная, самая лучшая лошадь на свете! И никто у меня ее не отберет. Потому что он теперь мой». Серафима вспомнила, как иногда привязывалась к лошадам в других конюшнях в тех городах и странах, где они жили с мамой. И как было больно потом с ними расставаться. Даже не так, как с друзьями, приятелями или одноклассниками. Потому что с друзьями, если захочется, можно переписываться, несмотря на мамин запрет. И даже когда-нибудь потом можно встретиться. Например, как с Ксанкой. А с лошадьми или знакомыми собаками расстаешься навсегда. С ними не поговоришь по телефону и не напишешь письмо...

«А как же, – испугалась Серафима, – как же будет, когда мы отсюда уедем? Да нет, наверное, мы что-то придумаем. Возьмем его с собой? Лошадей ведь перевозят, например, на какие-нибудь соревнования в разные города или страны? Мама не стала бы говорить, что он мой, если бы собиралась потом его здесь оставить. Может, она считает, что я точно не справлюсь? Я ей докажу, что справлюсь!» И Серафима принялась с удвоенной энергией чистить пол в деннике.

Замечтавшись, она чуть не сшибла тачкой с опилками какую-то девчонку на выходе из конюшни. Девчонка взвизгнула, отскочила в сторону и врезалась в дверь.

– Ой, извини, – сказала Серафима.

– Дура криворукая, куда прешь со своим навозом! – заорала девчонка.

– Да я тебя даже не задела, – за «дуру» Серафима обиделась. В конце концов, она же не специально. И извинилась. И, в общем, это девчонка тоже на нее налетела.

– Ты мне испортила одежду, идиотка! – продолжала разоряться девчонка, с остервенением отряхивая пятно на белых лосинах. Блузка у нее тоже была белая, курточка и блестящие начищенные сапоги – черные, как и шлем на белобрсых волосах. Девчонка была как с картинки о жизни миллионеров – того эпизода, где дочь этого самого миллионера решила прокатиться верхом.

– Вообще-то, это ты сама в дверь врезалась, – заметила Серафима. Комментарий по поводу того, что нечего переться в конюшню в белых штанах, она решила придержать. И так эта белобрсыя какая-то бешеная. Ладно, может она тут к каким-то соревнованиям готовится?

– Ты мне еще хамить будешь? – возмутилась белобрсыя.

– Ты чего тут, Маришка? – в конюшню заглянула другая девчонка, видимо, подруга первой. Одета она была, к счастью, попроще, без белых штанов.

– Да вот, воспитываю персонал, – заявила белобрсыя Маришка, презрительно кривя губы, – совсем охамели. Надо рассказать хозяйке, как они себя ведут, она эту нахалку живо выпнет отсюда.

– Ладно, – сказала Серафима, которой уже это все надоело, – вы тут обсудите, что кому рассказать, а мне некогда.

И она покатила тачку дальше.

– Да ты понимаешь, что если я на тебя пожалуюсь... – заорала белобрыся.

– В следующий раз надень белое пальто, – посоветовала ей Серафима, не оглядываясь, – очень концептуально будешь выглядеть в этих интерьерах.

Собеседница замычала что-то нечленораздельное, видимо подыскивая подходящий ответ. А может, она не знала, что такое «концептуально» или «интерьер». Или до нее все еще доходит насчет пальто. Правильно мама говорит, что если тебе нахамили – не огрызайся в ответ, так ты опускаешься на уровень хама, а беседа скатывается на уровень базарной ругани. Скажи что-нибудь вежливое и еще лучше, с юмором – тогда оскорбивший тебя либо будет вынужден подхватить заданный тобой тон, и вы оба получите удовольствие от умной беседы, либо вы останетесь каждый при своем – и просто разойдется в разные стороны.

Серафима не стала дожидаться, пока белобрыся поддержит умную беседу, и свернула со своей тачкой за угол.

Когда она возвращалась обратно, белобрыся с подругой уже усаживалась на заднее сиденье белой роскошной машины, которая смотрелась рядом с облезлым зданием конюшни странно и нелепо. Наверное, поехали стирать штаны. Серафима пожалала плечами – и сразу же выкинула из головы скандалистку вместе с ее белыми штанами и машиной.

Наталья Евгеньевна разрешила выпустить Ар-рих аль-Асвада в леваду – с условием, что Серафима потом отведет коня в денник. Его раньше не выпускали, потому что боялись не поймать. А ему ведь надо двигаться.

Серафима стояла возле загородки и смотрела на Ар-рих аль-Асвада. Тонконогий и худой, с длинной гибкой шеей, он будто не по песку шел, а по облакам. Сперва он шагал осторожно, оглядываясь и раздувая ноздри, потом мотнул головой, посмотрел на Серафиму и полетел вдоль ограды размашистой легкой рысью, едва касаясь земли.

– Какой он, какой он... – восхищенно пробормотала Серафима. – Правда, ма?

– Да, – ответила та. – Слишком тощий, конечно, но думаю, это поправимо. Хорошо, что я уже договорилась насчет цены. До того, как ты его почистила и выпустила побегать.

– Разве они раньше не видели? – удивилась Серафима.

– Понимаешь, – задумчиво сказала мама, – за скверным характером часто теряется самая красивая внешность. Это всех касается, не только лошадей.

Точно – подумала Серафима, вдруг вспомнив белобрысую скандалистку. Вроде и симпатичная, и одета шикарно, но как рот открыла – превратилась в какую-то уродку со злобным лицом.

– С ним, конечно, все не совсем так, – продолжала мама, – Ахалтекинцы – особая порода. Ей пять тысяч лет. И все это время их выращивали не так, как обычных лошадей. Хозяин привязывал жеребенка рядом со своей юртой и воспитывал его, как своего ребенка, отдавал ему лучшую еду, кормил с рук. Он не слугу себе растил, а друга, соратника, спутника на всю жизнь. О любви и преданности этих коней сохранилось много красивых легенд. Но, видишь, ли, настоящая дружба может быть только взаимной. Эти лошади не прощают предательства, оскорблений, грубости. Даже невнимание сильно ранит их. Твой Ар-рих аль-Асвад потерял хозяина. Потом его бросили одного, забыли. Потом привели сюда и тут обошлись довольно грубо, пытались заставить слушаться. Но что подходит для других лошадей, не годится для текинцев. Тебе он поверил. Если ты будешь внимательна и добра с ним, возможно, он станет твоим другом. Постарайся больше не обидеть его.

– Я буду... – горячо пообещала Серафима – и запнулась под внимательным взглядом мамы. – Я помню, что ты мне говорила про обещания. Что если не сдержать своего слова, можно разувериться в самом себе. Но...мам, если я вообще никогда не буду никому ничего обещать – как я узнаю, могу я вообще себе верить или нет?

Мама хмыкнула. Потом улыбнулась и вдруг погладила Серафиму по плечу.

– А ты выросла, Светлячок.

Серафима улыбнулась ей в ответ. И спросила:

– Мам, а что это значит? Его имя? Ну, Ар-рих аль-Асвад?

– Черный ветер, – ответила мама.

– Ух ты, как красиво. Ему идет!

– Так и должно быть. Настоящее имя должно подходить тому, кто его носит.

– Ар-рих аль-Асвад! – громко сказала Серафима.

Конь, услышав свое имя, развернулся и подбежал к Серафиме.

– Тебя зовут Черный Ветер, знаешь?

Ар-рих аль-Асвад недоверчиво фыркнул в протянутую ладонь и мотнул головой. Будто засмеялся.

– А знаешь, что это означает? – спросила мама.

– А что может означать черный ветер кроме черного ветра? – удивилась Серафима.

– Черный ветер, – голос мамы стал чуть напряженным, как и взгляд, устремленный на Ар-рих аль-Асвада, – это ветер, который приносит бурю. Грозовое, черное небо. И молнии.

Дома вечером Серафима все-таки решила спросить у мамы – а что будет, когда они соберутся уезжать? Ведь соберутся?

– Не знаю, Светлячок, – ответила мама. – Посмотрим, как все будет складываться.

И помолчав, добавила:

– Я бы сама не хотела отсюда уезжать. Я люблю этот город. Может, уедем, но недалеко. Или задержимся. Давай пока не будем загадывать, – мама улыбнулась, – мы ведь только приехали.

Засыпать в этот замечательный день было жалко. С хорошими днями всегда так. Потому что как только заснешь, он сразу и закончится. А завтра еще неизвестно что будет. Но бороться со сном после ночи рождения и такого длинного дня было совершенно невозможно. И на этот раз Серафима засыпала с улыбкой. Она была абсолютно, полностью счастлива. Во-первых, случилось совершенно невероятное и невозможное – у нее неожиданно появилась лошадь. И не просто какая-то лошадь, хотя и этого было бы довольно для счастья – а самая лучшая. Не только красивая, но умная, и особенная, которая сможет стать настоящим другом. Во-вторых – или это во-первых? – была Ксанка, самая лучшая подруга, почти сестра. А в третьих, мама сказала, что может, они не будут отсюда уезжать. Значит, не нужно будет расставаться с Ксанкой, Гердой, Черным Ветром. И, тогда, может быть, у Серафимы появится настоящий дом.

И сейчас ей совершенно не хотелось разгадывать какие-то тайны – потому что она была абсолютно счастлива – и не хотела ничего менять.

Глава 6. Новая школа

Утром она проспала. Точнее, мама не стала ее будить, чтобы дать выспаться перед школой. Маме показалось, что Серафима слишком устала накануне. В общем, так и было, но Серафима огорчилась. Она хотела во время утренней пробежки навестить Ар-рих аль-Асвада – конюшня всего-то на другом краю парка, минут двадцать неторопливого бега. А теперь придется отложить встречу с ним на после уроков. А вдруг он заскучает? Или того хуже, подумает, что Серафима его бросила?

Мама правильно разгадала хмурое выражение лица Серафимы.

– Ничего с твоим конем не случится, – улыбнулась она. – Его будут кормить и поить. В общем, тебе необязательно туда ходить каждый день. Хотя в первое время лучше навещать его почаще, чтобы он к тебе привыкал.

– Я буду почаще!

– Только не в ущерб учебе, договорились? – мамин голос был строгим, но глаза улыбались.

Серафима закивала головой. Она не стала говорить, что с радостью бы прогуляла пару дней, чтоб подольше не видеть этой учебы и новой школы, куда как лучше было бы провести эти дни с Черным ветром.

В школу Серафима шла с улыбкой на губах. Вовсе не потому, что ей так не терпелось познакомиться с новым классом – наоборот, ничего хорошего от первого дня она не ждала. Но теперь, когда впереди была встреча с Черным Ветром, школа уже не казалась такой страшной. Подумаешь, пережить несколько часов, зато после уроков можно будет сразу же бежать на конюшню.

Замечтавшись, в дверях она столкнулась с каким-то мальчиком, потеряла равновесие, уронила рюкзак и едва не упала.

– Эй, – мальчик поддержал ее за локоть, ловко подхватил рюкзак: – куда несешься? Так соскучилась по урокам?

– Ой, извини, – пробомотала смущенная Серафима, – Тяга к знаниям. Непреодолимой силы.

– Ну преодолей как-нибудь, эту свою силу, – у мальчика оказалась очень симпатичная улыбка, – а то приедешь тут всех по дороге. К знаниям.

– Постараюсь, – пообещала Серафима, еще больше смутившись от того, что он продолжает ее разглядывать, и что они перегородили проход и другие школьники на них удивленно косятся. Она не очень вежливо вырвала у него из рук свой рюкзак, повторила: – Извини, – и быстро пошла дальше.

Самое противное – когда стоишь перед новым классом, вокруг – сплошные незнакомые лица, и все они с интересом повернуты к тебе, а учительница вещает слащавым голосом:

– Познакомьтесь, это наша новенькая, Серафима Легкова, и теперь она будет учиться в нашем классе. Серафима, расскажи о себе.

Казалось бы, столько раз уже это было, а все равно не по себе. То ли кажется, что ты шестилетка на взрослом празднике, и сейчас тебя сейчас поставят на табуретку и заставят читать стишок, который, вот невезение, напрочь вылетел из головы. То ли ты вроде как гладиатор на арене, на которую вот-вот выпустят львов, а зрители на все это дело смотрят с любопытством.

– Ну, мы с мамой недавно приехали в этот город, – сказала Серафима, широко и бесстрашно улыбаясь. – И теперь будет тут жить. А я буду ходить в эту школу. Надеюсь, мы подружимся.

Это правило такое: когда боишься – улыбайся. Тогда твой противник подумает, что ты ни капельки не беспокоишься, а значит – ты сильнее. И тогда сам занервничает. А если он не противник, а союзник, так и еще лучше – увидит твое дружелюбие и тоже захочет дружить. Потому что в новой школе и друзья и враги обычно определяются в первое время. Потом, конечно, это все можно изменить, но это уже сложнее. Лучше бы, конечно, обходиться без врагов, но тут не все зависит от тебя. Потому что всегда находятся уроды, которые начинают цепляться к новеньким без всякого повода. Развлечение у них такое. Как у тех, которые приходили в древнеримский цирк, посмотреть, как дикие звери едят на арене людей. Потому что новенький – как тот самый гладиатор: один, на арене, вокруг – непривычная обстановка, а зрители – где-то наверху, в безопасности.

Так что тут одно средство – показывать уверенность и спокойствие, даже если ты их на самом деле не чувствуешь.

И Серафима улыбалась.

– Тогда иди, садись на свободное место, – чуть помедлив, сказала учительница, которая, видно, ожидала какого-то более подробного рассказа.

Нетушки, информация – это лишнее оружие, я вам его пока не дам. И Серафима решительно прошла на свободное место, на третью парту, к полненькой круглолицей девочке с косичкой. А вот и потенциальный союзник. Было бы хуже, если бы мест не было, и пришлось садиться на пустую парту.

И тут ей в спину кто-то сказал негромко:

– Сера-как? Фима? Или Фрося?

Начинается – тоскливо подумала Серафима, делая вид, что ничего не слышит. Иногда это помогает. Судя по туповатому юмору, это как раз те самые, любители подкалывать новеньких. И судя по смешкам, их там несколько.

– Привет, – дружелюбно сказала Серафима своей соседке по парте, не обращая внимания на смешки. – Тебя как зовут?

Девочка с косичкой бросила на нее не очень приветливый взгляд. Серафиме уже показалось, что она не ответит, но через минуту та, наконец, тихо пробурчала:

– Анюта, – и уткнулась в учебник.

– Фрося-Прося, – меж тем изощрялись справа. – Какое хорошее старинное имя, из какой она, интересно, деревни? А это вообще мальчик или девочка?

Серафиме надоело. К тому же своя прическа ей нравилась. Она давно мечтала о такой, как у мамы – коротко и с аккуратной челкой. И в прошлом году уговорила-таки маму разрешить состричь надоевшую косу. Серафима посмотрела в спину учительницы, которая вдохновенно что-то писала на доске, и либо делал вид, что ничего не слышит, либо действительно была глуховата. Серафима вздохнула и повернулась к юмористке.

– А тебе какая разница? – Спросила она. И замерла. На нее смотрела та самая белобрысая в белых лосинах. То есть, сейчас она была не в лосинах, а в короткой клетчатой юбке и стильной белой кофточке. Лицо у белобрысой вытянулось – кажется, она тоже узнала Серафиму.

– О... – громко сказала белобрысая. – А...

И вдруг очень противно и довольно улыбнулась. Как крокодил, который приготовился проглотить антилопу.

– Что случилось, Григорьева? – учительница, наконец, повернулась и теперь вопросительно смотрела на белобрысую.

– Мария Евгеньевна, – тонким голосом сказала белобрысая, – вы не могли бы окошко открыть?

– Душно? – забеспокоилась учительница.

– Навозом воняет, – сморщила носик белобрысая, в упор глядя на Серафиму. И добавила чуть тише, вроде про себя: – Интересно, с каких пор в нашу школу стали принимать бомжей и уборщиц конюшен?

Серафима почувствовала на себе любопытные взгляды, неожиданно для себя покраснела. И, разозлившись, заботливо спросила у белобрысой:

– Что, правда, воняет? Ты со вчерашнего дня не успела штаны отстирать?

– А ты мне постирай, – ответила та, прищурившись, – я заплачу. Наверное, на уборке навоза мало платят?

– Хочешь подработать?

– Легкова! – оборвала Серафиму учительница, и сердито постучала указкой по столу, – первый день в школе и срываешь урок! Еще одно слово – и отправишься к директору!

Серафима изумленно уставилась на нее. Она – срывает урок? Это ведь белобрысая начала!

– Так, все открыли учебники, – деловито продолжала учительница, усевшись за стол. – Страница пять. Тебя тоже касается, Легкова.

Белобрысая посмотрела на Серафиму тожествуяще, разве только язык не показала, и, наклонившись, зашептала что-то на ухо своей соседке.

Вздыхнув, Серафима открыла учебник. Круглолицая Аня покосилась на нее с непонятным выражением – то ли сочувствующим, то ли презрительным.

На перемене Серафима попыталась выяснить обстановку у Аняты, но та оказалась не слишком разговорчивой. Хотя, основное, кажется объяснила:

– Ты бы не связывалась с Григорьевой, – тихо посоветовала она, убедившись, что никто вокруг не слышит. – У нее папа из важных шишек, тут учителя перед ним на цыпочках ходят. Хотя уже поздно. Она теперь тебе прохода не даст. Ладно, извини, мне заниматься надо, – и Анята уткнулась в учебник.

Заниматься – в первый день, когда точно не было никаких домашних заданий? Похоже, Анята просто не хотела больше с ней разговаривать.

Серафима пожала плечами. Подумаешь, переживу – подумала она. Не съедят же они меня тут. И не расстреляют. Не повезло, конечно, с этой Григорьевой. Зато очень-очень повезло с Ар-рих аль-Асвадом – и за него Серафима готова пережить хоть десяток таких белобрысых.

И она пошла в коридор – попытаться наладить общение с кем-нибудь еще. Не все же такие пугливые, как Анята?

Или все? Разговаривать с Серафимой явно никто не рвался. Отвечали односложно, отворачивались, иногда украдкой хихикали и косились на Григорьеву, которая стояла возле окна в большой компании и что-то всем рассказывала. Только одна девочка заинтересованно спросила:

– А ты правда из деревни?

– А что? – Серафима обрадовалась возможности поддержать хоть какой-то разговор. – Тут есть предубеждения к деревенским? Вот, например, Ломоносов из сибирской деревни пешком пришел, но это ему не помешало стать академиком, не только Санкт-Петербургской, но и Шведской Колевской Академии, московский университет основать и вообще много всего полезного сделать.

Девочка смотрела на нее круглыми глазами.

– Знаешь про Ломоносова? – уточнила у нее Серафима. – У вас историю вроде бы должны преподавать?

И вообще как-то странно не знать про такую личность, – подумала она, но договаривать не стала.

– Так ты из Сибири?

Серафима вздохнула. Сейчас еще спросит, не пешком ли она пришла.

– Значит, Ломоносов – твой кумир? – насмешливо спросил знакомый голос. Серафима обернулась. На нее смотрел парень, которого она сшибла утром возле входа. Симпатичный, кстати, парень. Высокий, темноволосый, теплые карие глаза и милая улыбка.

– А что? Очень хороший, по-моему, кумир, – с вызовом ответила Серафима.

– Я и не спорю, – парень усмехнулся, – Тебя как зовут, девушка-из-Сибири-с-непреодолимой-тягой-к-знаниям?

– Серафима.

– Антон, – улыбаясь, он склонил голову, будто на светском приеме, потом вдруг поймал ладонь Серафимы в свою руку, поднес к губам и сказал:

– *Enchanté de faire votre connaissance, mademoiselle!*

– *Moi aussi,* – машинально ответила Серафима. Глаза Антона стали удивленными. Серафима ойкнула и вырвала руку.

Прозвенел звонок.

– Все, пока, очень тянет к знаниям, – быстро сказала Серафима и устремила к классу.

Наверное, он теперь не поверит, что она из сибирской деревни. Хотя, почему нет? Как будто там в школах не учат французский язык.

На следующей перемене, спустившись следом за одноклассниками в кабинет химии на первом этаже, Серафима решила по примеру Анюты отсидеться в классе, полистать учебник. Но не получилось. К ней подошла какая-то незнакомая девочка. Серафима было приветливо улыбнулась ей навстречу, но девочка нависла над ней, уперев кулаки в парту и проговорила зловеще:

– Ты тут новенькая, Легкова, поэтому предупреждаем для первого раза...

– Да? – удивилась Серафима. В первую секунду ей стало страшновато от неожиданности, а потом – смешно. Очень уж важный вид был у этой девочки.

– Еще раз увидим тебя со Стрижевым – будет хуже. Поняла?

– Неа, – Серафима улыбнулась. – Не поняла. Во-первых, кто такой Стрижев?

Девочка опешила.

– Э... – сказала она, – ну как же... – и беспомощно оглянулась. Серафима проследила за ее взглядом и увидела возле двери Григорьеву с подругой. «Ага, – подумала она – вот в чем дело.» И опять вопросительно уставилась на девчонку.

– Ну... э... Стрижев – это... – девчонка почему-то покраснела: – это с которым ты говорила на прошлой перемене.

– Понятнее не стало, – заметила Серафима.

– Нарываешься? – нахмурилась девчонка.

– Что ты, – Серафима опять улыбнулась, – пытаюсь понять, о чем это ты.

– Еще раз увидим тебя...

– Это я уже слышала. Только не поняла, кто меня не должен увидеть? Ты? Или кто-то еще? А остальным можно? Знаешь, думаю, тебе лучше составить списки всех заинтересованных лиц и довести до их сведения, что кому можно видеть, а что кому нельзя, – посоветовала Серафима заботливым голосом. – Иначе они все запутаются.

– Кто? – ошарашенно спросила девчонка. Кажется, сама она уже запуталась.

– Все, – тяжело вздохнула Серафима. – Еще в этом случае подойдет матрица компетенций. Все, извини, больше ничем тебе помочь не могу.

И она уткнулась в учебник, стараясь не улыбаться.

Девчонка убрала руки с парты. Вид у нее был растерянный.

– Матрица... чего?

– Компетенций, – подсказала Серафима.

– Ага, – девчонка кивнула, подошла к Григорьевой и начала что-то рассказывать той на ухо с очень серьезным видом. Белобрысая слушала, косилась на Серафиму и менялась в лице.

– Я тебе говорила – не связывайся с Григорьевой, – тихо сказала Аня. Она улыбнулась, закрываясь учебником. – Хотя здорово ты ее.

– Ты вроде ее тоже не очень любишь? – спросила Серафима.

– А за что ее любить? – хмыкнула Аня. – Она сама никого не любит. Всех, кто не ее круга – презирает, а богатеньких или интересных собирает в свою свиту.

– И что, все прямо хотят в ее свиту?

– Кто не хочет, просто держится подальше.

– Ты – держишься подальше?

Аня пожала плечами. Потом сказала:

– И тебе того же советую.

Тут одновременно случилось три вещи – во-первых, белобрысая дослушала доклад своей шестерки и со свирепым лицом повернулась к Серафиме, во-вторых, прозвенел звонок, и, в-третьих в класс ворвалась учительница, а за ней потянулись ученики.

– Так, что мы тут стоим, девочки, – деловито сказала она, отодвигая Григорьеву с прохода. – Рассаживаемся по местам, время идет.

С последнего урока Серафима убежала в первых рядах. Хотелось скорее оставить позади этот чудесный школьный день вместе с Григорьевой, надоевшей уже хуже горькой редьки. А самое главное – Серафиму ждал Ар-рих аль-Асвад.

Мечтательно улыбаясь, Серафима опять едва не врезалась в этого мальчика, Антона.

– Эй, девушка из Сибири, – сказал он, – в мегаполисе на таких скоростях надо передвигаться осторожнее.

– Ты меня подстерегаешь?! – возмутилась она.

– Точно, – согласился он и улыбнулся. – Я подумал, раз ты из таких далеких краев, может провести тебе экскурсию по городу, помочь освоиться. А?

– Нет, спасибо, я уже... – начала Серафима и осеклась. Вообще-то этот Антон ей нравился. А как же Ар-рих аль-Асвад? И тут она поймала разъяренный взгляд Григорьевой. Ну уж нет, чтобы белобрысая подумала, что ее испугались?! И Серафима громко сказала: – Хорошо. Давай завтра, ладно? Сегодня я занята.

– Хорошо, тогда до завтра, – кивнул Антон.

– Пока, – Серафима улыбнулась и быстренько сбежала, надеясь, что Григорьева за ней не погонится. Вот ведь какие страсти, кто бы подумал. Интересно, этот Антон в курсе, что белобрысая его так охраняет? И интересно, а белобрысая в курсе, что вообще-то нормальные люди не любят такого контроля?

И только потом до Серафимы дошло, что ее, кажется, пригласили на свидание. В первый раз. Вот это да!

А вечером, созвонившись с Ксанкой, Серафима вспомнила, что они договаривались на следующий день ехать к бабушке.

На этот раз Серафима решила позвонить не из душа, а из своей комнаты, просто разговаривать тихонько.

– Привет, – зевая, сказала Ксанка, – ужас какая тоска ходить в школу. А чего это у тебя такой голос восторженный? Можно подумать, ты там в кого-то влюбилась?

– Влюбилась, – подумав, призналась Серафима и вспоминая Ар-рих аль-Асвада. Он ее узнал и, кажется, был рад видеть. А потом Наталья Евгеньевна предложила немного погонять его на корде. Не с первого раза, но Серафиме удалось уговорить его слушаться. Это оказалось

не так уж сложно, хотя и долго – много разговоров, почесываний за ушком, несколько морковок, сухариков и одно большое яблоко. И потом, когда они, наконец, поняли друг друга – Ар-рих аль-Асвад слушался Серафиму идеально. С первого слова, с первого почти незаметного покачивания корды. «Ша-гом» – тихо говорила Серафима, и Ар-рих аль-Асвад, насторожив уши и будто улыбаясь ей, переходил на шаг. Легкое движение корды – Ар-рих аль-Асвад вопросительно косится на Серафиму, та кивает – и он, склонив голову, без малейшего видимого усилия начинает чуть быстрее скользить над землей, перетекая из шага в легкую летящую рысь. А какой у него был галоп – Ар-рих аль-Асвад будто сам превращался в ветер, в черный стремительный ветер. Серафима только ахала от восторга. Он был не только невероятно красив, но еще чуток и послушен. Ни разу в жизни Серафима не встречала такой лошади. А уж ее было трудно удивить особенное после конюшни дяди Джорджа, где по его уверению, были самые лучшие лошади в мире – если он и преувеличивал, то самую чуточку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.